

18+

ЯКОВ МУЛКИДЖАНЫН

ЧЕРНЫЙ АМУЛЕТ

Яков Мулкиджанян

**Черный амулет. Историко-
романтическое повествование**

«Издательские решения»

Мулкиджанян Я. П.

Черный амулет. Историко-романтическое повествование /
Я. П. Мулкиджанян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600776-5

Историко-романтическое повествование «Черный амулет» археолога и журналиста Я. Мулкиджаняна рассказывает о древней истории Дона, когда в степях в I в. н.э. кочевали вольнолюбивые и воинственные племена сарматов. Книга написана в авантюрном ключе, на основе археологических и письменных источников, и рассчитана на всех, кто интересуется древней историей страны.

ISBN 978-5-00-600776-5

© Мулкиджанян Я. П.
© Издательские решения

Содержание

Яков Мулкиджанян	ЧЕРНЫЙ АМУЛЕТ	Историко-	6
романтическое повествование			
Часть Первая	ПОТОМКИ ОРСОДАКА		7
Глава I			8
Песня Тантапара			8
Глава II			16
Патак			16
Глава III			22
Первый враг			22
Глава IV			27
Радости и тревоги			27
Глава V			34
За добычей			34
Конец ознакомительного фрагмента.			41

Черный амулет
Историко-романтическое повествование
Яков Петрович Мулкиджанян

© Яков Петрович Мулкиджанян, 2023

ISBN 978-5-0060-0776-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яков Мулкиджанян

ЧЕРНЫЙ АМУЛЕТ

Историко-романтическое повествование

«... враг-варвар на быстром коне.

*Враг, сила которого в коне и далеко летящей стреле,
разоряет на широком пространстве соседнюю землю.*

*Среди них нет ни одного, кто не носил бы колчана, лука
и стрел, смертоносных из-за змеиного яда.*

*Дикий голос, страшное лицо – настоящий образ Марса;
ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой;*

*его правая рука готова немедля наносить раны крепким ножом,
который имеется у всякого варвара на бедре.*

Их воодушевляют луки, полные колчаны, кони,

способные к сколь угодно долгим скачкам,

*а также то, что они обучены долго переносить жажду и голод,
и что враг, преследуя их, не найдет и никакой воды...»*

Овидий

И всего лишь на миг сжали осклизлую глину пальцы. Надменный и темный, как эта грозовая ночь, явился бог смерти и сел возле упавшего с кручи. Так и были они вдвоем – распротертый, забрызганный грязью человек и хозяин его – незримый и властный, ожидающийся рассвета.

Шлем откатился в сторону, лег на бок, принимая в себя струи воды; вымокший плащ прикрыл человека так, будто вылезал тот из какого-то темного мешка, но так и не успел – так и замер с открытыми удивленными глазами, с губами, скривившимися в крике, с руками, вжавшимися в грязь. Притянула и не отпустила земля. И лишь меч, словно наперекор этой силе, вонзился концом ножен в глинистое месиво, вырвалась вверх рукоять, натянув тонкую кожу поясного ремня... И неуправляемые капли туго секли треугольник черного плоского камня вверху ножен, обращенного к небу знаками трех миров...

А на вершине кручи, пугаемый гулким грохотом с небес, бесился одинокий конь. Знал дорогу вниз, туда, к хозяину, но не мог преодолеть этой странной, вспыхивающей бело-синим темноты. Вскрапывал, кричал, мотая мордой. То ли звал, то ли просил о помощи, всм телом своим ощущая глубину провала, поглотившего человека. Срывался в бег и, промчавшись немного, замирал перед темнотой, бессильно подставляя мощное молодое тело дождю.

А много выше, сменяя мрачные тучи, разбрасывая ослепительные стрелы свои, носился Ветер, неистовый, неугомонный повелитель бурь, войн небесных и земных. Забирался в невысказанную высоту и, набравшись силы, падал вниз, касаясь тела недалекой медленной реки. Облетел, обнял притихшее в грозовой ночи становище, свистя меж войлочными жилищами людей. И, будто играя, тронул струны забытого среди остатков пира фандыра*. И родился звук...

* *Объяснение слов под этим знаком – в Словаре, в конце книги*

Часть Первая ПОТОМКИ ОРСОДАКА

Глава I

Песня Тантапара

Тьма и свет – извечные враги. Люди, почитающие Солнце величайшим из божеств, побиваются темноты. Таятся в ней невидимые силы, только и ждут мига – навредить человеку, сразить его смертельным страхом или болезнью. И надежда тогда на могучий амулет, что ответит беду. А еще – на предков и героев племени. Это они, ушедшие в небесные кочевья, помня об оставшихся внизу, всякий раз зажигают в небе костры. Пусть свет их поможет живущим в земном мире не пугаться дайвов* и не чувствовать тоскливого одиночества в ночи. Верят в это все сарматы* – хозяева степей от Гирканских вод* до берегов Темно-Синего Моря*. И арсии, что кочуют у низовьев Дану-реки*, верят в неослабную заботу предков.¹

Под черным небом, усыпанным многочисленными огоньками, сидит у старой коновязи Мидасп из рода Орсодака. Здесь, на окраине становища, уединился он, убежав от матери, будто не расслышав ее крика. Зачем окликать того, кому уже двенадцать весен и скоро наступит пора пройти испытания и стать воином, мужчиной? Конечно, мать боится за сына – вдруг во тьме схватят дайвы своими костлявыми руками или напугают видениями. Но чего бояться?! На груди мальчика – клык самой свирепой на его памяти собаки. Такой амулет отвратит любую напасть. И в сердце Мидаспа нет страха. Так хочется подобраться незамеченным к вон той светящейся точке впереди. Это костер горит на речном берегу. И собрались сейчас у огня храбрейшие воины племени на свой тайный ночной совет. Там и сородичи Мидаспа, и те, кто прибыли по зову вождя рода Патака. Там будут звучать славнейшие имена, рассказы, способные воспламенить кровь у любого мальчишки.

Вот только... Ни мальчик, ни женщина не должны появляться там. Так велит обычай, строго охраняющий силу мужчин. И пусть Мидасп – племянник Патака, даже это не откроет ему пути туда, куда закрыл закон предков.

А там, у костра, вдруг ухнул, отозвался недолгим эхом в ночи звук барабана. Это торопят всех, кто не спешит. Мидасп поднялся, потянулся крепким телом. Пойти? Подкрасться, затаиться, узнать, зачем собрались мужчины и почему так строг обычай?

Человек неслышно проходил мимо, споткнулся в темноте и испугал мальчика. Вздрогнул, ухватился за длинный нож Мидасп.

– Кто ты? Человек или дайв? – громко спросил неизвестного.

– Так трудно бывает отличить одного от другого, – ответил тот, приближаясь, и Мидасп с облегчением опустил руки. Это же старый Атавак – хранитель мудрости, старейшина рода. Совсем близко его кибитка.

– Что, испугался? – усмехнулся Атавак. – А как же испытание тьмой? Зачем сидишь здесь? Земля, что ли, мягче на этом бугре?

В голосе старика столько мягкого лукавства, что нельзя не признаться ему.

– Я думаю, как подойти к воинам вон у того костра. Ведь я уже почти взрослый, мудрый Атавак. Что из того, если буду у огня? Это глупый обычай...

– Ну, ну... перебил старик, – давай-ка сядем, сын Фрасаука. У арсиев не было и нет глупых обычаев. Глуп же тот, кто пренебрегает ими. Тех – настанет день – наказывают боги, не дают помощи. Так не будь же тороплив в словах и мыслях.

¹ Арсии – похожее сарматское племенное название (арсиеты) зафиксировано в античных источниках с предполагаемой локализацией в районах Нижнего Дона в описываемый период. Автор пользуется им как наименованием близким этнониму «аорсы» (см. словарь)

Мидасп потупился, а старик сорвал травинку, задумчиво растер меж пальцами.

– Вот что скажу тебе, мальчик: не все одинаково чтут наши обычаи. Смотри, как молодые и сильные стали относиться к долгоживущим. Насмешки юнцов ранят сильнее стрел. Есть такие, что норовят бросить старику в котел обглоданную кость! Глупцы! Им словно неведомо, что мы были не слабее их когда-то, что от нас бежали враги, что в наших кибитках немало скальпов, добытых в бою, и мы тоже пивали из чаш героев. Не зря предки наши чтили мудрость стариков и даже пили их кровь, чтобы стать такими же многоопытными и всезнающими. Боги оставляют нас жить в этом мире дольше других, так слушайте же наши слова!^{2 3}

В темноте не было видно лица Атавака, но Мидаспу оно хорошо знакомо. Многолетняя жизнь оставила на этом лице нестираемые следы. Кожа обветрилась, задубела, глубокие морщины покрыли ее. А над левой бровью у Атавака большой рубец от удара копьем. Ни у кого из воинов Мидасп не видел подобного шрама.

– Скажи, Атавак, а ты был в дальних походах? Ты видел мир?

– А ты думаешь, я всю жизнь ходил, сгорбившись? – старик приблизил свое лицо почти вплотную к лицу Мидаспа. – Мне было почти столько же весен, сколько и тебе, когда я убил первого врага! Я видел города Боспора*, стены будинских* укреплений, я бился с сираками*, сколотами* и гетами*. Дандарии* брали меня в плен, но я бежал, прихватив с собой вражеский скальп. Я много видел, Мидасп. Но это лишь часть огромного мира. Ему же нет пределов. За степями начинаются леса, за ними, говорят, встают горы. И кто знает – что дальше. Только Светлый Йима* да Михр Быстроконный* – наши великие боги – объезжают мир за долгие дни. Человек не может знать и видеть всего. Но знать, кто ты, откуда, зачем, помнить о предках своих и соплеменниках обязан. Они хотят изведать больше других. А мне хватает того, что знаю и помню. Только... это мало кому теперь интересно.

В голосе Атавака послышалась горечь.

– Мне нужно, – сказал Мидасп, – ты называешь столько непонятных имен. Расскажи мне все, что знаешь! Кто мы – арсии, откуда пришли, откуда пришли, кто живет рядом с нами и далеко? Расскажи, Атавак!

– А ты любопытен. Это хорошо. Значит, будешь и умен, – оживился старейшина. – Но мой рассказ будет позже. Ты слышал барабан? Нужно мне поспешить, пока еще есть у огня люди, любящие меня...

– Я тоже люблю тебя, – вскочил на ноги Мидасп. – Укажи мне твоих обидчиков. Я стану мстить, как смогу!

– Да хранят тебя предки, славный мальчишка, – поднялся Атавак и обнял Мидаспа. – Недаром я так любил твоего отца. Жаль, ты совсем не помнишь его... Но, знаешь, сын Фрасаука, я отведу тебя сейчас к воинам. Боги простят Атаваку этот проступок, а для людей я найду слова. Идем же, ты услышишь Тантапара и многое узнаешь о своем отце!

Быт военный и мирный тесно сплелись в жизни арсиев. И терпеть лишения – удел многих, только никто не видит в этом горя. Трудности только укрепят человека, придадут сил, помогут обрести храбрость в бою. Трудности посылают людям боги, и они же вознаграждают за терпение. Кому даруют долгую славу мощноруких всадников, кому самые зоркие среди зорких глаза, кому необычную удачливость в походах. А вот иных – редких – одарят боги не только воинским искусством. Наделят их умением обращать бесплотную мысль в яркое слово, оживлять в памяти соплеменников дорогие образы прародителей и героев. И звучит голос их, вселяя уверенность в ослабевших духом, зовя храбрецов поискать новой славы.

² Снятие скальпов с поверженных врагов было одним из военных обрядов скифов и сарматов, признаком и свидетельством воинской доблести, об этом говорят античные авторы.

³ Речь идет о пережитках ритуального каннибализма у некоторых древнеиранских народов, описанных античными авторами. По верованиям древних, мудрость и сила съеденных (как правило, это были старики) переходила к съевшим их соплеменникам.

Кто из арсиев не слышал о Тантапаре-певце? На всяком пиру ждут его, на каждом празднике. И на воинском круге – дневном ли, ночном тайном – почетное место Тантапару.

Долго сдерживал волнение Мидасп, а подошли к воинам – словно не стало сил. Отяжелели ноги. Сжал руку Атавака крепкими пальцами, подергал. А тут еще голос звучит – сильный-сильный; высоко к небу устремляется песня Тантапара. И вдруг оборвалась, смолкла.

– Это он про предка нашего Орсодака спел, – пояснил Атавак, – я хорошо эту песню знаю.

И потащил Мидаспа прямо между сидящими, к огню, к свету. А воздух дрожал от воплей арсиев, выразивших свое восхищение песней.

Никто ни о чем не успел спросить, никто и не понял толком, что старейшина мальчишку привел, а Атавак уже вывел Мидаспа под великое множество взглядов.

Возвысил голос, обратившись и к арсиям, и к певцу.

– Прости мне, Тантапар, эту шалость, но вот, арсии, я привел сюда Фрасаукова сына. Боги сделали так, что набрел на него я в темноте и узнал потайные мечты. Клянусь ардом*, мальчишка был душой тут, с вами, и переборол страх перед темнотой. А еще, скажу вам, арсии: он схож со своим отцом, как близнецы Хсар и Хсартак*! Разве не воплотился в нем дух Фрасаука? И подумал я: пусть дух Фрасаука будет с нами сейчас в его сыне! И пусть услышит песню про себя.

Арсии зашумели. Мидасп услышал среди недовольных и голоса тех, кто согласился с Атаваком.

И тогда заговорил Тантапар.

– Пусть остается с нами сын Фрасаука, уважим мудрость одного и мужество другого. Я спою про Фрасаука. Вспомним его, арсии.

– Садись, садись же, – улыбнувшись, подтолкнул Атавак остолбеневшего мальчика. – Видишь, вот воины подвинулись.

Тантапар бережно взял к груди фандыр с пятью струнами, связанный тонкими сыромятными ремнями. Замер на миг. Мидасп увидел, как красив этот широкоплечий твердолицый человек. Густые длинные волосы Тантапара собраны сзади в пучок. В левое ухо продета бронзовая серьга-колечко. В глазах блещут, отражаясь, языки огня.

Мелькнула в ловких пальцах певца сделанная из козьего копытца пластинка, и фандыр зазвучал. Сначала тихо, потом громче, резче. И запел Тантапар:

*В повозке поздней ночью родился Фрасаук,
И Ардвн Великая* кормила его своим молоком,
И рос любезный богам Фрасаук, мечом и луком играл.
В пять весен стрелой коришуна поражал в небесах.
Вырос – воин могучий, как сам Вртрагна*!
Лучше всех бросал на жеребца аркан,
Воле своей подчинял необъезженного.
Стал мужчиной – белую полосу провела на лбу его
Арьяпат – жрица всех арсиев, вечный ей свет.
А потом вдруг беда, двойная беда пришла:
Ушел в мир вечного света возждь арсиев, Туск – одна беда,
И панксаны*, сиракские прихвостни, напали в полбайвара* числом,
Стали кибитки жечь, уводить скот и людей – вторая беда.
И тогда нарекли арсии Фрасаука возждем,
Сел на шкуру, большое войско собрал Фрасаук⁴*

⁴ Обычай сидения на шкуре быка описан античными авторами (Лукиан) у скифов и, судя по всему, существовал в сарматской среде. Садившийся на бычью шкуру призывал, тем самым, в особо настоятельной мольбе о помощи военной силой. Желавшие помочь наступали на край шкуры, принеся тем самым клятву-обещание привести воинов, кто сколько сможет.

*И на голову панксанов пал, как коришун на лису,
Арсии с ним копьем Вртрагны пали на врага.
И многих врагов своей рукой умертвил молодой ардар*!
И из скальпов их сшил себе плащ, щеголял тем плащом!*

При этих словах арсии, пребывавшие в благоговейном молчании, не выдержали, и издали многоголосый боевой клич, потрясли в воздухе акинаками*. Мелькнула и погасла улыбка Тантапара.

*И панксанов вождя в том бою достал Фрасаук,
Стрелой, ядом наполненной, сбил с коня,
Арканом проволоки, голову отсек, взял оружие и коня,
И был на мече панксана камень, черный, как мрак,
Меньше ладони амулет – но панксана не спас,
И его взял Фрасаук – заговорить Арьяпат,
И та камень взяла и заклятья-знаки начертала на нем.
И исполнился сил небывалых с той поры Фрасаук,
Ни стрела, ни меч, ни копье не брали его.
Зато стрелы его, как хищные птицы, разили врагов.
Много весен так было, и арсиев фарн* хранил Фрасаук,
И скота без числа из походов приводили они.*

И вдруг сдвинул брови певец, сделалось суровым лицо его. Надрывнее и тревожнее зазвучал фандыр, рождая в слушающих ощущение близкой беды.

Но вот бросили вызов аорсам сираки – снова война.
Молили дайвов враги, щедрые жертвы несли,
Просили зла Фрасауку, арсиям беды, не веря силам своим.
И исполнились хитростью дайвы, да сгинут совсем!
Похитили зубастоголовые Фрасаука амулет,
Без черного камня в бой пошел Фрасаук...
И в первой стычке пал под ардаром конь;
Сил прося у земли, бился на ногах Фрасаук, семерых убил.
Но сзади сирак налетел, секиру обрушив свою,
Ардара шлем разрубил, голову Фрасаука достал.
Погибель ардару пришла, он на землю упал.*

Тихий стон и горестные восклицания послышались отовсюду. Даже слыхавшие эту песню арсии скорбно качали головами и били ладонями по коленям. Задрожали губы у Мидаспа – так страшно никто не рассказывал о смерти отца. Рожденный после гибели Фрасаука, знал Мидасп со слов дяди, что был Фрасаук героем из героев и пал славно. Душа его унеслась к бессмертным, а тело положили соплеменники в большой курган среди могил предков. А тут... дайвы? Лишили отца амулета, проклятые, подвели под гибельный удар...

Разбушевались мысли. Никто не помог отцу! А ведь и дядя Патак, говорят, был в том бою... И уже не слышал Мидасп, как допел свою песню Тантапар. Как отомстили арсии за смерть своего вождя, как бежали враги, заливая кровью степь на радость стервятникам. Перед мысленным взором Мидаспа явился образ молодого воина, длинноволосого, с такими же серыми глазами, как и у мальчика.

Тантапар окончил песню. Все стали шумно благодарить певца, и слова были непонятны в многоголосом гуле.

И вдруг, расталкивая собравшихся, направляя коня прямо к огню, выехал всадник, сжимающий в руке плеть. Все узнали главу рода – Патака. Воины приветствовали его, подняв правые руки вверх. Мидасп насупился.

– Ваши вопли, арсии, слышны на другом конце становища, – усмехнулся Патак, – так вы распугаете всех волков, и табунщики зажируют от безделья.

Мощнотелый, грузный Патак казался великаном на своем коне.

– Я пел о жизни Фрасаука – воины радовались, – сказал Тантапар.

– Я слышал, – кивнул Патак, – пусть не ослабеет никогда твой голос, певец. Брат мой был храбрее многих прежних вождей. Но дайвы перехитрили его, ибо боги отступились от Фрасаука.

– Что ты говоришь, ардар?! – поднялся на ноги Атавак, заслоняя Мидаспа.

– А что, разве не Фрасаук принял дары от земледельцев в прежнем походе на Пантикапу*? Мы даже не увидели города, кони только помочили копыта в Меотском море*. И добычи никакой не привезли тогда, и не дали богам положенной доли!

– Ты что, потерял память, ардар? Никто и не вел нас к Пантикапе, – сказал Атавак, – по замыслу Аспурга* мы замирили меотов*, помогли Аспургу – вождю наших соседей аспургов – стать владыкой Боспора! И тогда он открыл для арсиев торжища Боспора, стал караваны слать через наши кочевья в благодарность за помощь. Разве это не добыча?

– Много ты знаешь! – бросил Патак. – А Фрасаук...

И тут Патак заметил позади старейшины торчавшие ноговицы Мидаспа.

– Уйди в сторону, старик, – указал плетью, – Кого же я вижу здесь?.. Мидасп?

– Не гневайся, ардар, – это Тантапар подошел к вождю, погладил морду коня его. – Сами боги послали к нам сегодня мальчика. Словно молодой Фрасаук был здесь.

Патак недобро смотрел на Мидаспа.

– Пусть он сначала станет мужчиной. Слава Фрасаука велика, а этот еще мал, чтобы сравнивать их!

Среди собравшихся послышались смешки.

– Ты тоже когда-то был мальчишкой, ардар, – не удержался Атавак, – Не виделась ли и тебе слава предков?

Патак дернул узду и, разворачивая коня, сказал с презрением:

– Я прощаю тебе твою дерзость, старик. Утешься этим.

Тревожно стало на душе Мидаспа от услышанного. Почему так злы слова Патака?

Атавак обнял его.

– Пойдем, сын Фрасаука. До рассвета еще придут к тебе сны. Воины начнут теперь мужские танцы. Старик и юному быть здесь больше не нужно...

Ночь уже не та, что в начале лета. Набралась сил; духи тьмы, как могут, сдерживают приход рассвета. Неумолимо побеждает их Великий Михр, хозяин зари, приводит за собой Светлого Йиму. Таков величайший из законов, установленных владыками небес...

Тонкая полоса бледного света у края полога кибитки похожа на короткое копье, приставленное к стенке жилища. Нет, как и не было, сна. Лежа на жесткой кошме – как и положено будущему воину – мучается мыслями Мидасп, растревоженный всем, что было. Атавак и Патак... Как быть? Обоих любит Мидасп, благодарен обоим. Патак заменил отца ему, научил сидеть на коне, умело управляться с малым луком, поражая стрелой цель, держать в руке меч так, как нужно в бою. Это Патак твердил, что сделает из Мидаспа воина, такого же безжалостного и твердого, как он сам. Не забывал мать Мидаспа – Хумук, подарки привозил ей и – мальчик сам слышал – предлагал стать второй женой. Как не восхищаться силой и статью дяди? Не зря же арсии выкрикнули ардаром его в ту весну, когда родился Мидасп. Но эта неприязнь к Атаваку... Как понять ее? Словно мудрый дух-покровитель, кружил порой Атавак возле Мидаспа. Что ни спроси – ответит, ибо чего не знает Атавак? И слово хорошее скажет, и добрый совет даст, поможет всегда. Вот и в эту ночь оказался рядом, и сбылась мечта Мидаспа. Он услышал Тантапара, песню об отце...

И вдруг остро вспыхнуло в голове: «Как могли дайвы похитить амулет, если они боятся его волшебной мощи? Может это... и не дайвы вовсе?»

Сразу нестерпимо захотелось вскочить Мидаспу, побежать к Атаваку и поделиться такой простой мыслью. Но тут из-за полога, делившего кибитку на две половины, вышла мать. Замер на кошме Мидасп, притворился спящим – он не хотел разговора.

Хумук расчесала волосы деревянным гребнем, взглянула на сына и, взяв кувшин с водой, тихо вышла. Приветствовать восходящее солнце пошла женщина, испросить у божества доброго дня для себя и своего Мидаспа.

К удивлению мальчика, мать быстро вернулась. А вслед за нею в кибитку вошел Патак.

– Поднимайся, – грубо растолкал Мидаспа. – И разбуди всех своих дружков. Парсуг уже ждет вас. Я велю вам целый день упражняться сегодня в степи. Чтобы устали, как быки в повозках! Чтобы никому не было охоты бродить ночами и приставать к воинам, нарушая обычаи предков! Чтобы старики, давно разучившиеся держать меч в руках, не забивали головы глупыми рассказами! Лучше докажи, что готов, как воины, терпеть трудности целый день, если мнишь себя взрослым!

Хмурый, поднялся Мидасп, натянул кожаную рубаху и штаны, обул ноговицы. И все под пристальным взглядом Патака.

Мать проворно свернула узел, положила в переметную суму.

– Зачем гневишь вождя? – подала голос, тревожно глядя на обоих. – Он так добр к тебе...

– Видимо, слишком добр, – обернулся к ней Патак, – да и ты ему лишнего слова не скажешь в укор. Ладно, хватит ему и материнского жилья. Кончится лето – переберется в кибитку для мальчиков. Уже пора, вместе с остальными. Весной мы посмотрим, какие воины получатся из них.

Слова дяди не огорчили Мидаспа. Разве испугаешь трудностями того, кто сам ищет их? Все в роду знают, что сын Фрасаука умеет пасти и скот, и коней, и к скачкам приучен, и может целый день побеждать голод. И еще радость: Парсуг – сын Атавака – будет приглядывать за ними! Во всем племени не найти лучшего наставника. Сильнорук и зоркоглаз Парсуг! А еще он умеет делать прекрасные стрелы, что летят далеко и попадают точно.

И день пролетел, как меткая стрела Парсуга. Далеко, за вторым поворотом Дану, резвились в степи юные арсии, распугали всю живность вокруг. Ловчились в скачке уходить от погони, прыгивали и вновь взлетали на мчащихся коней. Били из малых луков – кто метче? – и, состязаясь, настреляли зайцев, чтобы матери и отцы порадовались. А крепконогий Иткса – главный соперник Мидаспа во всех мальчишеских играх – достал стрелой выпорхнувшую из травы куропатку. И хвастал перед всеми, размахивая тушкой птицы.

И Парсуг удивил – вдруг встал во весь рост на спине скачущего жеребца своего и долго держался так под радостные вопли юных сородичей. Поди-ка попробуй так! Мидасп взялся было, миг простоял, два, и полетел в траву. Мягка она здесь, уберегла от сильного ушиба, а вот от насмешек нет. Но что смеяться? Охотников также испытывать себя не нашлось...

Вернулись в сумерках, потянулись по своим кибиткам все, кроме Мидаспа. Не забыл за день мысли, пришедшей утром. И направил жеребца своего, Тур-тура к жилищу Атавака.

– Ешь, ешь, ты же голоден, как степной волк зимой, – сует лепешку старейшина, ставит кувшин с кобыльим молоком.

Разве можно отказать Атаваку? И лепешка так душиста, и каждый глоток терпкого холодного питья возвращает силу.

Старик плотно прикрыл полог, и голоса становища почти не слышны за войлочными стенками. В просторной кибитке Атавака уютно и спокойно. Светильники, подвешенные на ремнях, хорошо освещают скромное убранство жилища: развешанные по стенам войлочные ковры с рисунком в виде степных цветов и каких-то непонятных завитушек, кожаные мешки

с утварью и одеждой. Но первое, что видит здесь любой гость, – это мощный лук, висящий напротив входа над невысоким ложем. Неужели Атавак еще способен натянуть его тетиву?

– Ты пришел за моим рассказом? – щури глаза, усаживается старейшина. – Или какой вопрос приготовил для меня?

– Сначала я спрошу, а потом ты расскажешь, хорошо? – просительно протянул Мидасп.

– Ладно, – улыбнулся старик. – Ты спросишь о Фрасауке?

– Как ты догадался? – удивился Мидасп, выложил мысль свою и замер, глядя в глаза Атаваку. И тот внимательно посмотрел на гостя.

– Хвала богам, мальчишка уже не мальчишка, коль задает такие вопросы, – медленно сказал затем. – Семечко мудрости вложено в твою душу, я буду просить богов, чтобы оно просло. Амулет... Я говорил тебе, что порой не различить человека и дайва. Мучимый завистью бывает хуже злого духа, может принести беду.

– Так это сделал человек? Ты знаешь, кто? – Мидасп почувствовал, как загорелось лицо.

– Это знают только владыки всего сущего, мальчик. И, может быть, придет день – они все откроют тебе.

И наступила тишина. Но Атавак не любил тишину, он любил слово и молчал недолго.

– Так что? Время моего рассказа настало? – хитровато спросил он.

Мидасп оживился, кивнул, и старейшина начал:

– Сарматские* земли велики. Когда-то большая их часть принадлежала скелотам, таким же кочевникам, как и мы. И язык их похож на наш, только искажен издревле. Скелоты мнили себя вечными хозяевами степей, но... пришли от берегов несравненной Рангхи* наши предки – и Орсодак, что начал род наш, был среди них – разбили и погнали скелотов далеко за Меотское море. Немногие из них стали нашими данниками, иные ушли к лесам, спрятались за деревянными стенами.

Наше племя взяло эти земли по Дану-реке. Но она велика, и не одни наши кони пьют ее воду. На восход от нас живут саурги, обиженные воинской мощью за коварство. За ними аорсы – племя могучее и многочисленное. За аорсами в жарких степях у Гирканских вод кочуют аланы* – они тоже нашего языка. Я знаю, что они удалые воины и ловкие наездники, но самих не видел. А вот с язигами* и роксоланами* знаком. Эти сарматы кочуют у реки Дану-апр, на закат солнца от нас и дружественны нашему племени. Меж ними и нами, там, где Дану впадает в Меотское море, стоит город Данай*. Туда мы часто гоняем скот, везем шкуры на торжища. А оттуда привозим оружие, украшения и другое, полезное нам. Данай – город очень старый. Еще в скелотские времена основали его пришельцы-ионана*, которые сами себя называют эллинами. Они издавна заселили и край земли у Темно-Синего моря*, приплыв с другой его стороны. Построили города, собрали войска. Со скелотами подружились, щедро одаряя их ардаров. Народ умный и гордится множеством мастеров. Теперь и у всех сарматов немяло ионанских вещей, оружия, доспехов. Ионана назвали эту свою землю Боспором. Но только слабеет их власть в этом краю. Со временем все больше степняков стали селиться в тех городах, служа Боспору. Народ перемешался. И владыки боспорские не раз уже происходили из сарматов – вот хоть нынешний Аспург; и Данай – тоже боспорский город, ибо там на одного ионана теперь три степняка.⁵

А у Меотского моря тоже многие живут. Меотские роды дандариев и ситтакенов наполовину скотоводы, наполовину земледельцы. А между ними и нашими кочевьями живут сираки – старые враги наши. Они сторожат проходы в теплые и богатые края. Многие из них живут отлично от нас: оставили повозки и сели на землю. Даже город есть у них – Успа*. Там собираются весной в великом множестве и выбирают себе вождя. Да не по доблести судят – желаннее

⁵ Здесь – вымышленное название одного из сарматских племен Нижнего Дона; происходит от иранск. корня «сау» – «черный», распространенного в этнонимике скифо-сарматов.

им тот, кто выше всех ростом и у кого голова длиннее. За сираками, ближе к Темно-Синему морю, кочуют их друзья – навианы* и панксаны. А у самого же моря тоже много племен. Их имен я не знаю, но все, говорят, возделывают землю и ловят рыбу. Счастье скотовода неизвестно им...⁶

Волшебное что-то в рассказе Атавака. Так складно сплетаются слова, что Мидасп забыл обо всем, внимая старику. Узнать, увидеть бы, как живут незнакомые племена! Ничего, недолго ждать посвящения в воины! Нужно только копить силу, научиться терпению. И тогда станешь похож на отца своего не только лицом. А еще нужно слушать Атавака. Умный – вдвое сильнее. Сами боги говорят словами Атавака. Они помогут, и Мидасп увидит мир и прославит арсиев. И не сложит ли тогда о нем свою новую песню Тантапар?

⁶ Об обычае сираков выбирать в цари (вожди) человека, имеющего самую «длинную голову» – то есть искусственно деформированный с младенчества череп – сообщают античные авторы. У многих народов древности искусственная деформация головы – признак принадлежности к аристократии.

Глава II

Патак

Крытая белым войлоком жилия кибитка Патака стоит посреди огромного становища рода. Еще две весны назад мастерицы украсили войлок затейливыми узорами из крашеной кожи. Ни дожди, ни ветры не погасили красок – словно большой степной цветок выглядит жилище вождя. Чуть поодаль – резная коновязь, за ней еще две кибитки Патака. Заполнены они утварью и добром, делающим жизнь вождя и семьи его беспечальной. В одной из них живет раб Арнак – сколот, хранитель достояния вождя и подручный жены его. Сидя на земле в своей изношенной одежде, Арнак посматривает на жилище вождя, на стоящего у входа рослого воина с копьем в руке, и душа его спокойна. Господин размышляет о чем-то, и никто не потревожит Арнака в его работе – усыпанный стружками раб вырезает из куска дерева диковинного зверя с головой птицы и туловищем льва. Он отдаст его маленькой дочери Патака и заслужит похвалу господина; Патак одобряет искусство своего раба.

В кибитке Патака светло от нескольких масляных плошек. Голубоватый свет дня проникает и в отверстие на самом верху кибитки, падая прямо на круглый очаг, выложенный камнем. Ардар сидит прямо на ложе, крытом овчинами, и – сверху – богато расшитым красным покрывалом. В руках вертит вождь изящную чашу на высокой ножке, блестящую лаком, изрисованную красными фигурами людей в длинных одеждах. Это подарок недавно проходивших через кочевье караванщиков с Боспора.

Но далеки мысли ардара и от чаши, и от жилья своего. И тихой возни дочери и жены за тяжелым пологом не слышит Патак. Саурги, давние соседи арсиев, занимают мысли его. Саурги, чьи кочевья сопредельны с кочевьями рода Орсодака, бывшие друзья, а ныне враги, ставшие жертвой своего коварства.

Племя саургов пришло на берега Дану вместе с арсиями, взяв земли выше по реке. Вместе ходили в Боспор, грабили сиракские становища; союз вождей был скреплен кровью их. А потом стали саурги искать добычи в другой стороне и, поднимаясь по реке, обложили данью сколотских потомков-землепашцев, что прятались перед лесами. И брали дань оружием и хлебом. И сколотские потомки стали уходить в леса, в глубины земель своих, не имея сил противиться кочевникам. «Пойдем на них вместе», – просили арсии, нуждавшиеся в хороших ремесленниках. Но саурги словно забыли былую дружбу. «Это наши данники, – так сказал их вождь Аргал, – не лезьте к чужому куску, если не хотите войны с нами». Но боги, видно отвернулись от саургов, вняли мольбам жриц и старейшин арсиев. Напали на саургов в великом множестве злые духи, и скот стал падать, а люди умирать один за другим. Было это после гибели Фрасаука, и на радость арсиям некогда могущественное племя соседей превратилось в кучку оскудевших родов, не имевших и трехсот всадников.

Посылали гонца к Патаку саурги с подарками, надеялись умиловить богов, исправив ошибку, да только не дары – беду принесли арсиям. Третью рода сразила болезнь. Незримый и безжалостный Вайу – хозяин смерти – унес к себе жизни двух сыновей Патака.

Ардар заскрежетал зубами, швырнул чашу на очажные камни, и остались одни осколки. О, как ненавидит с той поры саургов Патак! Само имя их вызывает ярость у ардара. А может, гибель сыновей – это знак богов? Все они видят, ничего не скрыть от них – ни в прошлом, ни в настоящем. И наказали Патака за свершенное? Что черный амулет – глупая сказка Тантапара! В том бою мог Патак спасти Фрасаука, но не пустил вовремя стрелу, не захотел... «Похитили зубастоголовые...» Сородичи верят и пусть верят...

Недовольный явившимися мыслями, Патак поднялся, подойдя к выходу, откинул полог и стал всматриваться в дальний край степи, мутноватый от теплого дыхания земли. Саурги... Исхитрились. Не имея сил, сговариваются с сираками, чтобы вместе выдавить арсиев с их земель, прогнать на восход солнца. Пойманный недавно посланец ничего не сказал мучившим его воинам, но и так все понятно Патаку. Впереди – чувствует ардар – еще не одна война с сираками, и нельзя оставить за спиной у себя пусть и немногих, но врагов. Что-то недавно случилось на границе кочевий – то ли пытались саурги угнать коней у табунщика рода Кадага, то ли сам Кадаг угнал табун молодняка у саургов – неважно. Патак решил судьбу соседей. И когда случится победа, это будет победа Патака. Пусть вождь всех арсиев, хитрый и перекормленный славой Снагибан, узнает обо всем последним. Свою силу собирает Патак тихо и незаметно. Есть на кого опереться – двоюродные братья. Уже привел своих воинов Тарсий, а через день-два подойдут отряды Гатаорса и Апарнадара. И тогда накажут соседей потомки Орсодака... Завтра нужно навестить жрицу Роксамат, пусть скажет, о чем думают боги. Не расстроят ли планы вождя? Не позволят ли дайвам нанести вред арсиям? Патак всегда был щедр на жертвы владыкам мира – что еще?

Никто из арсиев не знал, сколько весен живет на свете могучая Роксамат, чье имя с почтением произносят во всех становищах племени. Верховная жрица – эта женщина, с которой никто не сравнится возрастом – Роксамат встречает проходящих в этот мир и напутствует уходящих в последнюю перекочевку. Бесконечно много умеет жрица – готовить смертельные для всякого существа яды, лечить больных людей и животных. Она верно служит богам, и они даровали ей чудесную силу, недоступную остальным. Это Роксамат в те страшные дни мора остановила злых духов. Семь дней по велению ее жгли арсии костры возле каждой кибитки, и только поэтому уцелело племя. А потом и умножилось.

Патак сделал свою старшую дочь Равагу ученицей и помощницей жрицы. И мысль об этом наполняла его душу радостью. Будущее Раваги – почет и уважение, даже когда Патак уйдет из этого мира.

Для Роксамат не жалко никакого подарка. И через день вместе с охранником своим Борустаном вождь пригнал к кибитке жрицы дюжину баранов.

Кибитка Роксамат, потрепанная за долгие годы перекочевков, сильно пропиталась дымом. Но Роксамат не меняет жилища. По краям входа темнеют таинственные знаки. Только Роксамат знает, что означают они, и только она одна в роду может начертать их. В который раз испытывает Патак странное чувство перед жилищем жрицы – будто пришел сюда впервые. И с некоторой робостью могучий мужчина откидывает полог входа.

Дурманящий запах трав и кореньев, развешанных по стенкам, ударил ему в ноздри, вскружил голову. В кибитке было сумрачно, и лишь рыжее пламя, резвившееся в очаге, освещало центральную часть жилища и фигуру жрицы, сидевшей рядом.

Патак опустился у очага на одно колено, коснулся пальцами золы и провел полосу на своем лбу в знак вечной признательности божествам – хранителям рода.

Роксамат указала ему на кошму. Патак уселся, скрестив ноги. Так внимателен и неотрывен взгляд жрицы. Седые длинные волосы заплетены в семь кос, на темном платье поблескивают тесно нашитые золотые бляшки-лепестки. На груди женщины тройной ряд ожерелий из множества камней. А в руках держит жрица искусно сделанное бронзовое зеркало с литой ручкой в виде сидящего человека. Повернула – и в полированной бронзе отразилось напряженное лицо ардара.

– С чем пришел ко мне, храбрый Патак? – голос у Роксамат спокойный, низкий.

– Я пришел узнать... как твое здоровье, Мать? Не строят ли козни дайвы? Все ли благополучно в жилище твоём?

– Уатафарн* заботится обо мне, и сил для борьбы с дайвами мне достаточно. Что еще волнует тебя?

– Я слышал, дочь моя тебе по нраву. Не знаю, как и благодарить тебя, Мать, разве что... – Патак быстро извлек из-за пазухи кожаный мешочек и выложил на ладонь три золотых ручных браслета с львиными головами на концах и золотое кольцо с бирюзовой вставкой. – Это подарок Боспора.

Роксамат с достоинством приняла дары.

– Твоя дочь напоминает мне детство. Она станет хорошей жрицей, ибо послушна и внимательна. Такие угодны Великой Ардвиге, да хранит она всех нас. Говори главное, Патак.

– Конечно, – кивнул Патак и с жаром заговорил о том, что арсии засиделись без настоящего дела воинов. Слишком сытой и размеренной стала жизнь, а мужчины стали жить воспоминаниями! Так ли должно быть?

Едва окончил, как Роксамат спросила:

– Да я принесу такие жертвы, что саургам не хватит всех их стад! Воскликнул он и осекся, увидев глаза жрицы.

– Не хвастай, ты не юнец. Завтра пусть твои люди принесут мне змею и печень ягненка белой шерсти. А через день сам приходи за ответом.

«Лучше сразиться с семерыми, чем говорить с ней, – подумал Патак, выйдя из кибитки; вдохнул чистый степной воздух. – Надо бы еще одарить ее, тогда и боги станут благосклоннее».

Усмехнулся. Борустан уже подводил коня.

У Мидаспа нет теперь иного желания, как натянуть тетиву этого лука. Сегодня утром Патак, неожиданно щедрый на ласковые слова, отдал мальчику это грозное оружие мужчины.

– Бери, – сказал Патак с усмешкой, – натянешь жилу, значит, стал совсем уже взрослым.

И Мидасп, не замечая начавшейся в становище возни, помчался в степь покорять оружие. Проскакал мимо женщин, чистивших котлы и разводивших костры, мимо легких станов недавно подошедших воинов Гатаорса и Апарнадара, мимо Парсуга, который крикнул что-то вслед. Великую честь оказал Патак! Что за радость у дяди? Говорят, какую-то особую змею передала ему Роксамат вчера. Когда это вождь любил змей?

Все неважно! Узкая тропинка пошла в гору, а там чуть дальше, к малому озеру. Мидасп повернул своего Тур-тура вправо – туда, где торчал над степью высокий бугор. Усыпанный какими-то камнями, он казался Мидаспу диковинным зверем, что уснул на воле, да так и врос в землю. Мидасп любил это место. С высоты хорошо видно кочевье рода – и становище, и даже дальние пастбища, где пасутся лучшие кони Патака – тонконогие скакуны солнечной масти.

Доскакав до места, Мидасп спешился и нетерпеливо вытащил лук из мохнатого налучья. Достал жилу с мизинец толщиной, уселся. Ну, вспоминай теперь, как учил Парсуг! Вытянул левую ногу, конец лука упер в ступню. Внизу, там, тетива закреплена надежно, теперь бы согнуть лук и ловко накинуть петлю жилы в маленькую прорезь на верхнем конце. Мидасп уперся изо всех сил. Еще немного, еще... Эх! Соскочила рука, лук распрямылся и больно хлестнул мальчика по лицу. Хорошо хоть зубы целы! Злитесь сын Фрасаука, пробует снова. Неужто это упорное дерево не покорится ему? Но упрямее, сильнее оружие мужчины. Не одолеть...

Швырнул лук наземь. Подпер голову руками и устремил взгляд вдаль. Вот оно, становище. Будто стая птиц расселась посреди степи. Что-то пыль поднимается отовсюду, суета какая-то? Уж не праздник ли готовится? Ничего не вспомнилось про праздник. Или охота? Там, позади становища и в сторону от него, блестит вдалеке изгиб несравненного Дану. Там начинаются дикие непролазные плавни. В густых зарослях камыша арсии легко добывают птицу, а часто и кабанов, приходящих на водопой...

Свежий ветер овеял лицо, загудел и умчался ввысь. И, словно силы прибавилось... Мидасп схватил лук, уперся еще раз... О, боги! Тетива натянута! Лук, настоящий лук, чье тело похоже на изгиб женских губ, украшено костяными накладками на концах и перевито полосками кожи, покорился!

Он вскочил, завопил, напугав коня, заплясал, закрутился. Вот и все! Теперь он крепче всех своих друзей! Теперь можно гордо смотреть в лицо хвастуну Итаксе! И есть чем ответить на насмешки Патака! Не верил ардар в силу Мидаспа, а вот как вышло. Теперь скорее назад. И уже видит Мидасп, как протягивает он натянутый лук вождю и слышит свои полные достоинства слова:

– Ты хотел испытать мою силу, так убедись: я уже стал воином!

А в становище суета, как всегда бывает перед походом. Будет много еды – нет ни одного котла, где не варилось бы мясо. Все самое сытное нужно отдать воинам – пусть наедятся перед дорогой. В походах арсии, как и другие сарматы, привыкли подолгу обходиться без пищи, черпая силы из съеденного накануне. Так чего жалеть? Лепешки и сыр, сушеная рыба, кислое молоко, густая сытная каша из проса, привезенного данниками-землепашцами, – славное угощение для мужчин. Им пока не до пира – нужно подобрать одежду и доспехи, проверить оружие, упряжь, выбрать самые сильные амулеты, а еще и боевую раскраску нанести на тела и лица.

И вернувшись, не узнал становища Мидасп. Все перемешалось в кутерьме: и крики людей, и лай псов, шныряющих повсюду в поисках сладкого куска. И дым, дым от костров, пылающих возле каждой кибитки.

«Неужели поход?» – Мидасп с восторгом разглядывает крепкие кожаные панцири с нашитыми на них пластинками, что сделаны из конских копыт, мохнатые чехлы, в которых спрятаны до поры тугие луки трехслойного дерева, кожаные колчаны, полные остроголовых стрел. Куда подевалась вчерашняя безмятежность этих мужчин? Всюду воины, готовые тут же вскочить на коней и сцепиться в смертельной схватке с врагами. Вот он – истинный удел детей Великой Матери Ардви.

Мысль пришла сразу:

«Я доказал, что стал воином! Надо просить Патака – пусть возьмут с собой! Пусть далеко, пусть будет трудно – зато можно увидеть, как сражаются арсии!»

До кибитки Патака недалеко, но Мидасп верхом стал пробираться мимо спящих рядом соплеменников. Обычай свят, если конь рядом, ходить пешком – значит подвергнуться насмешкам. Парсуг говорил, даже на торжищах в Данае степняки почти не слезают с коней. И с затаенным страхом смотрят безбородые ионана на людей, что словно срослись с лошадьми...

Борустан-охранник остановил мальчика и не пустил к вождю.

– Они говорят, – так сказал каменнолицый Борустан. – Никто не должен мешать.

Ушли времена, когда вожди решали все вместе с сородичами. Отмеченные славой и милостью духов-покровителей, все больше замыкались они во власти своей, и каждый мнил себя главным. Сангибан – вождь всех арсиев в любой день мог требовать к себе воинов из соседних родов; но точно так же любой из ардаров мог оспорить решение верховного вождя, полагаясь на силу своих отрядов, крепко связанных родством и обещаниями-посулами. Познавшие тяжесть лет вожди-старейшины уже не чувствовали той силы, что имели их деды. Мудрость их еще могла остановить неразумного, но этого было мало. Владыками родов все более становились ардары, сильные своими людьми и богатством. Вожди забывали порой и о родственных связях, разоряли сородичей, стремясь всех подчинить воле своей. С той поры, как не стало предка Орсодака, многие роды ослабли. Появились в кочевьях неимущие арсии. Из них набирали табунщиков и пастухов, и те грезили ночами об удачных походах, о милости богов, что сделали бы их счастливыми. Что-то менялось в степи...

Никого нет в кибитке, кроме Патака, его братьев и их тайн. Душно – солнце за день прогрело воздух, да и огонь в очаге не гаснет – сиянием и теплом своим посылает Атар летучую мудрость вождям. Нельзя и полог откинуть – влетит злой дух и расстроит мысли говорящих...

Огорченный, отъехал Мидасп от кибитки дяди. И услышал тут ребячьи крики, поспешил на голоса. На утопанной площадке между кибитками собрались в круг мальчишки. А посреди них сидел Итакса, пытался натянуть отцовский лук, пыхтел от натуги. Мидасп постоял в стороне, наблюдая за бесполезными усилиями Итаксы. И смешно стало ему. Видно, похвастал Итакса перед всеми, а теперь тщится доказать силу свою.

Он спрыгнул с коня, подошел к мальчишкам, держа свой натянутый лук в руках. Увидели его юные сородичи, притихли.

– Смотри, – протянул Мидасп лук Итаксе, – вот как надо!

– Это Парсуг, небось, натянул? – ухмыльнулся Итакса.

Ничего не сказал Мидасп, положил оружие свое и выхватил лук из рук Итаксы. Уселся наземь, засопел сердито и натянул тетиву.

– Этот слабее моего! – сказал довольный.

– Это лук моего отца, – побледнев от злости, возразил Итакса. – Если будешь так говорить, я поколочу тебя!

– Сначала сопли вытри! – усмехнулся Мидасп и тут же получил оплеуху. Взвыл, бросился на обидчика. И поднялся вокруг ребячий гвалт.

Ничуть не слабее был Итакса, много синяков и шишек наставили бы друг другу мальчишки, но тут загрели барабаны, и соперники бросили борьбу.

Сильно был деревянными колотушками в натянутую кожу незнакомый всадник. Сплетенные из прутьев, обтянутые пестрыми телячьими шкурами, барабаны тревожно гудели, разнося звук по всему становищу. За всадником показались вожди. Они смотрели прямо перед собой, и никаких чувств не отражалось на лицах. За ними потянулись воины – все при оружии, о-дву-конь. Их много-много.

– Скорее! – махнул рукой Мидасп, и толпа сородичей увлекла их за собой.

На окраине становища собрались арсии, встали огромным кругом. Посередине кто-то уже воздвиг целый холм хвороста выше человеческого роста. Подъехал Патак, вынул меч свой и воткнул прямо в вершину холма. И все закричали, и воины ударили мечами по своим плетеным щитам.

Потом мужчины сноровисто разожгли костер, привели жеребца с белым пятном на лбу, четырех баранов белой шерсти, принесли деревянный с узким горлом бочонок, наполненный кобыльим молоком. И вышла в круг жрица Роксамат в платье красном, как кровь, высокая, статная, со строгим лицом. В руках ее барсман* – пучок прутьев должной толщины и числа, каменный молот на длинной рукояти. И умолкли все, и только слышалось, как фыркают кони и где то в далекой вышине заливается счастливая птаха.

Роксамат простерла руки к предзакатному солнцу, запела древнюю молитву-гимн. Низкий сильный голос женщины завораживал, уносил мысли в непостижимые дали времен. Спела, обернулась к вождям. Те спрыгнули с коней, Патак подбежал, и получив из рук жрицы молот, ударил им жертвенного коня прямо в белое пятно. Пошатнулся жеребец, пал на землю.

Полыхал костер, протягивая пламя к небу. Кровь из надрезанной жилы коня потекла прямо в чаши с молоком, подставленные вождями. Из каждой чаши плеснула Роксамат густого розового питья в огонь. Тот всколыхнулся, порыжел еще сильнее – хранители рода, фраваша*, приняли жертвы.

Плеснули из своих чаш вожди и к подножию Патакова меча. Принесли баранов в жертву подателю победы – Вртрагне, на четыре стороны разложив их туши.

И вот пьют священную смесь вожди, и вливаются в них силы, ниспосланные богами. И в них, и в воинов их. Так голова пьет первой, дабы напоить все тело.

Роксамат нанесла вождям боевую раскраску на лица – красную и белую полосы – символы вечной жизни. Амулеты сильны, но рисунок на лице тоже помогает сохранить жизнь. Знает Мидасп, что и тела многих воинов украшены затейливыми рисунками-татуировками. Не зря

в юности терпят посвящаемые в мужчины боль от иглы – испугается злой дух причудливых завитков рисунка, передающего таинственный, полужвериный облик непонятого существа, исчезнет, растворится в воздухе, не сделает человека жертвой случайности...

Стали рядом вожди, вынули луки из чехлов, замерли, застыли, Мидасп с восхищением разглядывает Патака. На голове дяди поблескивает бронзовый шлем, длинные волосы Патака собраны позади и узким хвостом торчат из-под кожаного подшлемя. На толстую кожу панциря нашито множество костяных пластин из конских копыт. От такого панциря и стрела отскочит, и меч с него соскользнет. Под панцирем красивый кафтан-сакиндак* из тонкой дубленой кожи, расшитый богатым узором. Крепкие кожаные штаны облегают мощные ноги Патака, обутые в мягкие остроносые сапоги, перехваченные у щиколоток сыромятными ремешками.

На правом бедре Патака – короткий меч-акинак с кольцом на верхушке рукояти, в красных деревянных ножнах, укрепленных кожаными полосками. А слева вдоль ноги висят красные ножны от меча, что сейчас торчит на холме из хвороста. С Боспора привез его Патак. Страшен удар такого меча. Сильнорукий всадник способен надвое разрубить врага – был бы крепок клинок. А он крепок всегда – умные руки куют такие мечи в далеких кузницах Боспора, украшают рукояти их камешками из бирюзы или сердолика. А здесь, в становищах, жрицы вдохнут в равнодушное железо волшебную силу, умножат ее талисманами.

На лице Патака – ненависть. Саургам не будет пощады.

Гулко и часто загремели барабаны, вожди начали военный танец. То яростно бросаются друг на друга, то крадутся, как степные волки, выслеживая невиданного врага. Движения вождей становятся быстрее – так велят барабаны. Тарсий и Гатаорс изображают саургов, Апарнадар – злого духа-покровителя врагов. Патак наступает то на одного, то на другого. Пятятся они назад, натягивают луки, но стрелы их летят мимо; хватают мечи, но только воздух рассекает возле Патака безжалостное железо. Но вот Патак пускает стрелу – никнет один из недругов; и другого настигает стрела. Исчез, вжался в землю злой дух-покровитель, испугался арсия.

Отгремели барабаны. Отпустило всех суровое очарование танца. Сейчас воины покинут становище и останется... только ожидание. И Мидасп ничего не увидит?

Огляделся Мидасп, поймал издали взгляд Атавака. На лице старейшины легкая улыбка – будто знает старик мысли мальчика.

Вожди прыгнули в седла. Медлить нельзя. Солнце коснулось края земли. Патак выдернул из кучи хвороста свой меч, вложил в ножны. Махнул рукой, указывая путь. И многоголосый шум поднялся тогда, и мальчишки побежали вслед за отцами и братьями. Только один Мидасп кинулся в другую сторону. Он уже знал, что делать ему. Ворвался в кибитку свою, нашарил в сундучке лепешки, бросил в суму. Схватил колчан со стрелами, подаренными Парсугом. Поглубже надвинул остроконечную шапку, поправил налучье за спиной. Мать не встретила сына – провожала воинов вместе со всеми. Зато верный Тур-тур, недавно забытый Мидаспом и пришедший к жилищу, послушно подставил спину. Мидасп обогнул становище так, чтобы не видел никто, погнал коня вслед за ушедшими. Мать не будет волноваться за него – увидит, что нет лука и стрел, не отыщет сумы и лепешек. Она жена воина и мать воина, она поймет.

Глава III

Первый враг

Еще хранит память последние мгновения военных приготовлений. И лицо Роксамат, обращенное к солнцу, еще стоит перед глазами Мидаспа. Но уже появились в груди неведомые прежде чувства, рожденные одиночеством. Но разве ты одинок? Впереди скачут соплеменники – еще видны вдалеке многочисленные темные точки. И нельзя отстать, чтоб не потеряться – будут воины двигаться непрерывно и выйдут к рассвету к становищам саургов.

Солнце ушло с небосвода, степь прощалась со светом, замирала в предчувствии ночи. Мутноватым стал воздух, и наползающий вечер обозначил первые огни в недостижимой вышине.

Мидасп гонит тревожный зуд из души, и все же... Даже из бывалых мужчин редко кто в одиночку выходит в ночную степь. А тут и путь неизвестен. Одна надежда, что не отстанет далеко от своих, будет идти по следу до тех пор, пока Светлый Йима не перережет золотым мечом своим горло грифу* – хозяину тьмы. Послушный Тур-тур не подведет хозяина. Как хорошая собака будет держать след арсиев, хоть и боится темноты. Конь для сармата – все. Самый верный и преданный друг степняка. Отдаст человеку и быстроту ног своих, и кровь свою в трудный миг. А после смерти хозяина – понесет его в иные кочевья, высоко-высоко – куда не достигают силы зла. Не раз видел Мидасп, как плачут суровые мужчины над павшими скакунами...

Вылетел из-под конских ног темным комочком заяц, помчался прыжками подальше от опасности. Развеселил Мидаспа.

Вот и ночь. Тур-тур перешел на шаг. Подкрепившись лепешкой, пробует всадник разглядеть хоть что-нибудь по сторонам. Напрасны усилия, и напряжение вновь не отпускает человека. Не бесконечной ли будет эта темнота? Когда приходилось вместе с табунщиками пасти коней до утра, ночи были не страшны. За разговорами у огня они текут быстро, да и говорящие, вселяют бодрость друг в друга. Теперь уже совсем не то...

Кажется, что-то мелькнуло неподалеку? Или кто-то стоит?

Мидасп сует руку за пазуху – там, рядом с собачьим клыком, в маленьком мешочке покоится на груди заговоренный матерью амулет из орлиных перьев, золы и двух круглых камешков. Он не даст подступиться дайвам! А еще, говорят, волки любят нападать ночью. И Мидасп на шаривает на бедре твердую рукоять акинака. Но Тур-тур не тревожится, а ведь кони издали чувствуют степных хищников. Слипаются глаза, хочется привалиться к шее коня, уткнуться лицом в еще не подстриженную гриву, раствориться в привычном всякому арсию конском запахе. А еще задремать, еле чувствуя мерный шаг умного животного...

Много раз опускался Мидасп в теплую дрему, но не давал себе уснуть глубоко. Так в борениях с духами сна и встретил рассвет.

В сером просыпающемся мире все виделось чужим. Утренний ветер гнал куда-то облака, чей облик напоминает неведомые живые существа. Не дайвы ли это бурь и мрака?

Встретился узенький ручеек. Напились человек и конь. Холодная вода освежила лицо Мидаспу и будто смыла остатки ночной тревоги.

А где арсии? Впереди не было никого. Правда, вдали степь будто бы обрывается – похоже, там большая низина. Наверняка арсии укрылись в ней, выслав вперед дозорных. Это уже чужие земли, мало ли что?

Крутой мохнатый курган – удобное место, чтобы заглянуть дальше вперед. Мидасп двинулся к нему, и тут посветлело меж тучами. Продираясь сквозь пелену, схожую с овечьей шер-

стью, всходило солнце. Сильны боги, приходит время их победы над мраком! Едва взобрался на вершину кургана Мидасп, как огромным копьем пронзил Йима тело одного, затем другого дайва. И еще, еще! Брызнул свет, упал на зазеленевшую землю. И блестящий красно-желтый лик повелителя неба властно глянул сквозь клочья туч, пробуждая все живое. И сразу что-то засновало в траве, длинные волны пошли по ней, затрепыхались в вышине темные комочки птиц. Ветер разогнал облака.

В восторге тянет руки к солнцу Мидасп. Благослови перед новым днем, Светлый Йима, величайший из богов!

Потом, спрыгнув с коня, достал лепешку. Половину проглотил, другую положил на камень, торчавший у ног – это благодарность фраваша, что хранили мальчика в ночи. Пригляделся и различил выступавшую на шершавой поверхности камня часть рисунка. Вот острие, будто бы меча, а вот... два пальца? Или еще что? Да это же разбитое изваяние! Поверженный идол прежних хозяев степи, насыпавших этот курган. Прочно ушли в землю отбитые куски... Мидасп поежился. Не витают ли здесь обиженные духи?

Что-то мелькнуло далеко впереди. Так и есть! То арсии огромным скопищем выплыли из заросшей травой низины, и весело сверкнул на солнце бронзовый шлем Патака. Теперь уж не отстать!

Не думая, что может быть замечен, если оглянется кто, помчался Мидасп за соплеменниками. А те, проскакав немного, вдруг остановились. И вбок от орды направили коней несколько всадников. Упредив их путь, острый глаз Мидаспа различил в серо-зеленой дали какие-то светлые бугорки. Становище?

Ничего необычного, видно, не нашли разведчики, возвратились, и орда вновь двинулась дальше. И Мидасп пустил Тур-тура рысью. Прямо в спины арсиям глядит морда коня, резвые и сильные ноги делают легким бег, благо, трава пока еще коротка здесь и арсиев нетрудно догнать. Но тянет что-то к непонятному месту...

Две ободранные кибитки, крепко обиженные ветром, встретили Мидаспа негромким хлопаньем пологов. Побуревший внизу войлок стенок покрылся пятнами дыр. Рядом увидел Мидасп обломки колеса от повозки, обглоданный остов бараньей головы. У одной кибитки занесенный пылью виднелся очаг. Среди камней его темнел разбитый кувшин. Кто-то жил здесь когда-то. Слышал Мидасп – издавна наказывают изгнанием из рода клятвопреступников. Не нарушивший ли клятву ардом жил здесь? Обманувший богов и сородичей, был этот человек наказан самой страшной для степняка бедой – одиночеством. И что сделала с ним судьба?

Прочь, прочь отсюда! Нечего гадать. Арсии опять далеко. Пятками по бокам коню, и уже позади неприятные мысли. Оглянулся бы и увидел, как из раскидистого куста вылез человек, посмотрел вслед всаднику, заковылял к жилищу. Вынес большую охапку хвороста, запалил его, набросал сверху травы, а потом принялся размахивать высохшей бычьей шкурой. Повалил дым, потянулся в светлый небосвод.

Но не оглянулся Мидасп. Догонял арсиев. И конь старался. Кажется, совсем немного скачки, а уже различим хвост последнего коня отряда Патака. Арсии недолго поднимались на возникший уклон, исчезли за гребнем его. Повторив их путь, Мидасп над изгибающейся темными спинами курганов далью увидел три торчавших в небе дыма. Совсем мало провисели они, истаяли, но Мидасп сразу догадался: дымы кричали о нападении! Арсиев обнаружили, кто-то сумел предупредить саургов.

Всадники впереди рванулись, словно волки за добычей. Они успели быстро поменять коней, и Мидасп здорово отстал. Погонял Тур-тура и клял себя, за недоумие. Забыть второго коня – непростительно для воина.

Арсии стремительно одолели новый подъем, и ветер донес до Мидаспа отзвуки боевого клича.

– Там саурги! – крикнул мальчик коню. – Давай, давай же!

Поводя красными глазами, вынес неутомимый жеребец хозяина своего на взгорье. А вот и саурги!

Угрожающе воя, несется орда Патака туда, где на изломе серебристой, как лезвие нового меча, речушки, уползают в спасительную даль повозки с кибитками на них. Скот и лошади со всех сторон облепили жилища убегающих. Не уйдут, поздно.

Мидасп поскакал еще ближе. Остановил коня у песчаного вывала, где цеплялось корнями деревце, скрюченное в борьбе с ветрами. Отсюда все было видно сыну Фрасаука.

Часть повозок вползла в воду – видно, там был брод, река покрылась грязно-серыми пятнами, а сбоку из небольшой темной рощицы, наперерез арсиям выплеснулась конница саургов.

И раскатистым кличем тогда огласилась степь.

– Пата-а-а-ак! – жуткий вопль, перемешанный с воем и визгом, словно пронзил Мидаспа, и от этого удара он завопил сам, желая соплеменникам удачи. Ошалевший сурок стремительно бросился в нору, напуганный неслышанным.

Опережая врагов, арсии выпустили навстречу им тучу стрел. Передние всадники саургов напоролась на летучее железо, многие упали с коней, так и не дожив до начала схватки, не спасенные амулетами и заклятиями сородичей.

Втрое меньше было саургов, и мужество, что вело их в бой, оказалось бесполезным.

С яростными воплями сшиблись всадники, закипело это месиво, пугая все живое вокруг, выкриками людей, ржанием злобно кусавшихся коней. И не высмотреть Мидаспу ардара в этом хаосе...

Саургов избивали. Их рассеянные кучки, со всех сторон стиснутые арсиями, неумолимо редели. Взлетали арканы, выхватывая из седел седоков; под копытами ломали друг друга сбитые наземь с коней противники, насаживали на акинаки, разбивали головы дубинками-палицами, а то и впивались в глотки крепкими, будто волчьи, зубами.

Устремились прочь иные из саургов, надеясь уйти от врага. Но мало кто сумел. И все новые потоки сарматской крови впитывала мать-земля Арматай, подставляла грудь упавшим, мертвым и полуживым...

– Пата-а-а-к! – снова разнеслось в воздухе. Мидасп увидел, как множество арсиев рванулось вслед за уходящими повозками, табунами и стадами саургов. Река не спасла убежавших. Свирепые конники Тарсия и Гагаорса настигли их, с криками врзались в гущу стад, заматались среди обезумевших от шума животных. Арканами сбрасывали возничих – стариков, женщин. Натягивавшие луки саурги были тут же убиты. Победители хватили скарб саургов, вязали схваченных людей, бросая пленников в их же повозки.

В одной из повозок поднялась во весь рост женщина с седыми растрепанными космами, среди криков и стонов простерла руки в мольбе, зашептала имена богов и духов-покровителей рода своего. Кто слышал ее? Боги вновь отвернулись от саургов. Сила и жестокость на стороне соседей.

Кто-то из воинов заметил ее, понял, что жрица, крикнул товарищам. Сам Тарсий подлетел на саврасом своем жеребце, махнул старухе рукой – уходи! В степь уходи! Хлестнул быков плетью. Повозка дернулась, старуха упала. Быки потащились прочь, слыша горестные вопли хозяйки. Пусть живет служительница богов. Зачем арсиям ее жизнь? Боги могут рассердиться на обидчиков.

Еще не кончена схватка, а сопротивление саургов уже сломлено. Иные бросили оружие свое, кто-то уже не имеет сил бороться. И все же есть среди саургов достойные воины. Вот несколько всадников, тесно прижавшись друг к другу, отбиваются от насевавших арсиев. И бьются хорошо – уже не один из соплеменников Мидаспа сбит наземь мощными ударами.

Из тех саургов выделил глаз Мидаспа одного – высокого ростом, с длинным мечом в руках. Не разглядеть лица, зато хорошо видно, как бьется саург, как отскакивают арсии, избегая ударов его меча. Кто-то пустил во всадника стрелу, но тот искусно принял ее красным

щитом. Но вот разрублен щит. Теперь долго не продержаться саургу – Патак теснит его, и все чаще поднимается в воздух меч ардара. Но духи предков, видимо, помогли саургу – сбил он Патака с коня, рванулся вбок и прорвал кольцо арсиев. Славный конь у саурга – в один миг унес хозяина подальше от врагов. Опомнились арсии, кинулись вслед. И никто не пустил стрелы.

Широко открыты глаза Мидаспа. Видит – саург поворачивает коня и скачет прямо к нему, оставляя погоню далеко позади. Растерянно смотрит мальчик на приближающегося всадника. Что делать? Саург все ближе, сейчас скроется в низине, а там по заросшей балке уйдет прочь! Уже виден темно-синий плащ саурга, грязное от пыли и крови лицо, отличные доспехи воина.

– О, Вртрагна, бог мужчин, помоги мне, дай силы, – горячо зашептал Мидасп. – Он увидел меня?

Поздно менять свой путь саургу, здесь, у дерева удобный спуск для убегающего.

Мидасп крепко сжал коленями конские бока. И вдруг лицо Атавака – насмешливое, хитрое – встало перед ним. «Первого врага убил я в свои двенадцать весен...»

«Убей!» – обожгло душу Мидаспа, рука сама откинула крышку налучья. Не страх – холод в груди.

Прищурился, тянет Мидасп правую руку к плечу, ловит взглядом приближающегося человека и серое жало стрелы, сделанной Парсугом. Черное оперение щекочет щеку; тетива стягивает концы лука, тая мгновенную страшную силу.

Саург плохо видел Мидаспа – на беду солнце слепило глаза. Но чутьем степняка почувствовал он врага, исказилось лицо отчаяньем и злобой, устрещающий крик сорвался с губ.

Тетива тихонько звякнула, отпущенная на свободу; смуглолицый Мидасп послал боевую стрелу. Послал, как учили, наверняка, целя в незащищенное горло саурга. Вртрагна даровал меткость стрелку.

Теряя всадника, бешено кося глазом, пролетел мимо конь саурга. Со стрелой в горле великого роста воин свалился в траву.

Соскочил наземь Мидасп, бросился к телу врага, вырывая на бегу акинак из ножен – добить, мгновенно понял – незачем добивать, рванул стрелу, припал к бьющему кровью горлу и сделал глоток.

Сумасшедшая радость овладела им. Завыл что-то, дико заплясал возле поверженного исполина. Весь мир перевернулся для Мидаспа.

Шум и крики заставили оглянуться. Арсии, догонявшие саурга, подлетели стремительно, окружили, едва сдерживая коней. Мидасп поднял глаза: знакомые и незнакомые соплеменники, грязные, потные, злые, в великом изумлении смотрели на него и на убитого. А среди них – багровый от недоумения и досады Патак.

– Ты?! – загремел Патак, взглядываясь в Мидаспа.

– Я убил его, я! – Мидасп потряс акинаком. – Моя стрела поразила его! Я воин – я доказал! Доказал!

Арсии разразились криками. Не понимая, хвалят или бранят его, Мидасп вновь прокричал сказанное.

Патак спрыгнул с коня, миг постоял, глядя на мальчика, потом мечом откинул полу плаща саурга.

– Знаешь ли ты, кого убил?

И произнес, не дожидаясь ответа:

– Перед тобой вождь саургов – Варкафут!

– Слава мальчишке! – выкрикнул кто-то.

Закружилась голова у Мидаспа, ослабли колени. Опустился он наземь и прикрыл глаза.

Хорошую добычу захватили арсии. Помимо скота и пойманных лошадей, что было разбежались, много оружия, украшений, домашней утвари взяли они. Гонят с собой пленников.

Соберутся три рода у сваленной в кучу добычи, чтобы разделить все по справедливости. Первыми выберут Патак и другие ардары, потом воины – кто сколько заслужил. Разберут добро, рабов, если нужно.

А позади, на месте стычки – небольшой курган. Похоронили мертвых врагов арсии, иначе обиженные души их будут скитаться по степям, вредить живым, мстить победителям. Отрубили у всех саургов правые руки – в знак победы, окропив вражеской кровью длинный меч Патака, возблагодарив Вртрагну за удачный набег.

Только одно тело не тронули Арсии. На шаткой повозке везут они Варкафута, вождя саургов, чтобы показать соплеменникам, а потом похоронить как воина. Пусть оставшиеся саурги никогда больше не увидят своего вождя, это отнимет у них остатки мужества. Горе и плач поселятся теперь в уцелевших становищах. И нет больше сил отомстить. Так пусть уходят подальше.

Мидасп едет рядом с повозкой. Радостно ему – по обычаю конь, оружие и доспехи Варкафута достанутся мальчику. Предстоит пир – и, как знать, может, Патак нальет чашу вина и Мидаспу, как настоящему мужчине, убившему первого врага.

Вот когда сгорят от зависти Итакса и другие!

Медленно, с достоинством возвращаются арсии, выслав вперед гонцов. Имя Мидаспа на губах у многих воинов. Подъезжают, смотрят на храброго соплеменника своего и поверженного им вождя, хлопают Мидаспа по плечу, улыбаются как равному:

– Стань Барафарнаком! – желают многие.

Букв. «стань, имеющим много фарна», то есть, стань удачливым, многосчастливым (см. «фарн» в словаре); здесь – пожелание военной доблести в будущем. Вероятно, существовало у сарматов, судя по наличию староосетинского, иранского по происхождению, имени «Барафарнак»⁷

Глава IV

Радости и тревоги

Меч Варкафута повесил Мидасп в своей кибитке так, чтобы всякий вошедший видел самую ценную добычу. Доспех и плащ вождя саургов спрятал Мидасп в деревянный короб – до поры, пока не раздадутся плечи, и нужно будет склонять голову при входе в жилище.

Кем стал он для рода? Молодым героем или удачливым сорванцом, которого возлюбили боги, дав легкую победу? Что гадать? Завистливые взгляды замечает Мидасп, и белое лицо Итаксы, и дрожащие руки его хорошо памятливы Мидаспу. Зависть – плохое чувство, оно кружит голову и толкает на глупые поступки – о том он и сказал как-то Итаксе. И презрительную ухмылку получил в ответ. Ну и пусть. И другое помнит Мидасп – вкус вина из чаши, протянутой Патаком, уважительные слова воинов. А еще мудрые слова Атавака. Сказал на пиру хитрый старик – нечего, мол, ждать весны, если юные уже сбивают с коней таких воинов, как Варкафут, устроим праздник, посвятим их в мужчины, не дожидаясь осени. Многим понравился совет старика, а когда Роксамат поддержала его, ничего не осталось Патаку, как объявить праздник посвящения.

В ночь перед обрядом трудно уснуть – не дают мысли. Даже скачки накануне не отняли сил. Утром Патак поднимет Мидаспа. Поведут в особый шатер для посвящаемых, там боги примут жертвы над очагом из рук мальчика, а потом...

Состязание на меткость, скачки, испытание страхом – все предстоит выдержать завтра. И доказать другим, что ты сильнее их, что не зря толкнули боги тебя в тот опасный путь, окончившийся метким выстрелом из лука...

Никто не помнил, кем установлено так, но потомки Орсодака всегда славились среди сарматов своими конными лучниками. Любой мог послать остроголовую стрелу по велению глаза – с коня ли, с земли – неважно. Из века в век испытывали арсии будущих воинов стрельбой из лука. И тот, кто по нерадению или слабосилию не мог овладеть этим грозным оружием, беспрестанно подвергался насмешкам. Хвала богам, в роду Патака еще не было таких.

...На окраине становища полно людей. Шумят арсии. А в стороне примолкли шестеро юных сородичей, подошедшие к рубежу взрослой жизни. Только шестеро смогли к тому дню натянуть отцовские луки – за это и честь.

Свою меткость лучника уже доказал Мидасп и не страшится состязаний. Мысли его о победе в скачках. Говорят, достанется победителю маленький золотой амулет и нарекут удалыца сыном племени. В любом становище арсиев окажут ему помощь в беде, разделят радость, примут, как родного. Древний обет – не делать зла соплеменникам – наложат на него и будут ждать славных деяний.

Увидел в толпе Атавака и понял: и старейшина желает победы Мидаспу.

Патак, окруженный воинами, советуется с ними, сидя на широкой кошме. Спорят о чем-то арсии – видно, с чего начинать состязания, решают они. Но вот двое убежали за жердинами, что приготовлены неподалеку.

Итакса приблизился к Мидаспу.

– Не прогнила ли тетива твоего лука? – ехидно улыбается он, словно ищет ссоры.

– Думай лучше, каким концом накладывать стрелу, – с усмешкой отвечает Мидасп. – Не перепутай, смотри!

Воины вкопали жердины в землю, растянув наверху серенькую шкурку зайца. Цель непростая. Издалека трудно различить ее, и, чтобы попасть, нужно завидное умение. Бить

зайца в степи уже пробовали мальчишки, а тут... Сразу столько глаз смотрит на тебя. Не задрожит ли рука?

Патак знаком разрешил испытуемым сесть на коней. Выехали на линию стрельбы и шепчут коням в уши юные арсии просьбы свои. Пусть смиренно стоят четвероногие, не навредят хозяевам.

Мидасп первым пустил стрелу. Воин с большим плетеным щитом у цели махнул рукой – попал! Закричали арсии, приветствуя меткого стрелка.

Итакса пустил стрелу. Тоже попал. С усмешкой смотрит на Мидаспа.

– Покажи им, Занат!

– Эй, Мастиг, крепче сожми колени!

– Дадаг! Не клонись вперед!

– Тяни дальше руку, Армак, ветер отнесет стрелу!

Волнуются сородичи – каждому воину памятен похожий день из жизни.

Большегубый Армак не послушался совета, не дотянул руку. Только края шкурки коснулась стрела, надрезала его и улетела к сурчиной норе в траву.

– Йя! – выскочил из толпы высокий арсий – Гаос, отец мальчишки, подпрыгнул – вцепился в затрещину. Разве можно позорить так отца, если он сам учил тебя стрелять? Все знают, что за сто шагов попадает Гаос в глаз кабану.

Смеются арсии, обиженный Армак, закусив губу, повторяет прицеливание. Щелчок – и меж стрел товарищей впивается в шкурку его стрела. Улыбка засияла на дотоле суровом лице Гаоса.

Еще один круг. Воин выдерживает стрелы, цель снова ждет метких выстрелов.

Патак внимательно следит за состязанием. Чаще всего падает его взгляд на сына Фрасаука. Приятно смотреть на ловкость мальчишки. Не зря, видно, познал тот тяжесть руки вождя. Неплохо стреляют мальчишки, но Мидасп и руку тянет лучше, и сидит прямее, лук круче изгибается у него – большая сила наполняет молодое тело. Хороший будет воин.

Но тень набегает на лицо вождя, ибо вспоминается ему гибель Варкафута. Должен был тот пасть от Патакова меча, но вышло иначе. Неужели сами боги послали тогда Мидаспа? Дурной это знак. Недаром в ночь возвращения виделся Патаку сон, в котором мертвый Варкафут смеялся над ним, тянул руки к груди вождя, словно хотел достать что-то. Ужас обессилил тогда Патака, и быть ему раздавленным в мучительных объятиях, если бы не жена – заботливая Агар, что разбудила мужа.

Тяжек вздох вождя. Знак богов... Все они знают, все они видят... Почему до сих пор нет у Патака сыновей? Даже наложницы, приводимые усердными людьми, рожали девочек. Так и угаснет власть Патака?

...Заячья шкурка утыкана стрелами, щетинится, как спина ежа. Отменные лучники выросли в роду. И трудно назвать первого в стрельбе. Что ж, пусть скачки назовут самого удалого.

Патак указал путь. Тянется он до едва различимой глазом излучины реки. Там нужно повернуть назад, обогнув старый курган, опоясанный кольцом камней, получив благословение изваяния, стоящего на нем. Для опытного всадника путь прост – степь ровна, скачи, погоняй коня. А вот как юные поведут себя в таком испытании?

Вспомнилось Патаку, как на давнем-давнем весеннем празднике вместе с таким же юным Фрасауком состязались они в ловкости наездников.. Фрасаук взял верх тогда. Он и потом во всем опережал Патака, видно, больше был любим богами. И всякий раз, слыша приветствия Фрасауку, мрачнел Патак. Но все меняется. Где теперь Фрасаук? Далеко пасет он свои стада и табуны. Дайвы вовремя похитили черный амулет Фрасаука.

Патак улыбнулся. Мальчишки готовы к скачке. О, как хищно смотрит Мидасп – хочет победить? Пусть так и будет, это прибавит славы Патаку.

Он делает знак. Арсии расступились, оставив юных всадников перед желанной каждому целью.

Вождь взмахнул мечом. Сорвались!

Мидасп будто прирос к спине коня своего. Несутся, словно волки гонятся за ними. Степь прыгает перед глазами Мидаспа – вверх-вниз. Оглянулся – скачет рядом Итакса. Хороший жеребец у него, с сильными ногами. Итакса надвинул шапку глубоко на лоб – почти не видно глаз. Оба всадника сразу сумели вырваться вперед, и каждый миг все увеличивает разрыв между ними и остальными.

Летит степь навстречу, бросается под ноги коням, рассыпает в стороны испуганных птиц, зайцев. Где-то вдали, почуяв людей, сорвался с места табун диких коней, темным пятном мелькнул в низине.

... Вот и река. Теперь по берегу до излучины, где на обрывистом уступе спорят друг с другом ростом сиротливые деревца.

Отстал Итакса. Ох, как достается его жеребцу. А остальные? Маленькими точками позади. Что за кони у них? Заморыши!

Мидасп доскакал до кургана. Каменный истукан, позеленевший с одного бока, величественно торчит на вершине и словно приветствует юного гостя. О, боги! Что же он видит?

Впереди нахлестывает коня Итакса.

Хитрой уловкой обманул Итакса – повернул назад, не доскакав до кургана. Летит, слившись с конем своим. Прискачет первым – кто поверит Мидаспу? А вдруг это он наговаривает на победителя? Спешит обманщик, боится оглянуться.

Все оборвалось в душе у Мидаспа. Лицо побелело от ярости. Завизжал, огрел плетью коня, и тут же ласковые слова зашептал своему Тур-туру. Догоняй, догоняй, быстроногий! Спасай от позора.

Верный конь у Мидаспа. Будто удвоив силы, полетел вперед. И вот уже только две руки разделяют соперников. Обернулся Итакса, завопил, ударил коня. Все напрасно. Мидасп настиг, взмахнул плетью – удар пришелся на спину Итаксы. Вновь взлетела плеть – упала шапка с головы Итаксы. Рванулся тот в сторону, куда там – Мидасп снова нагнал, ударил.

Вцепился Итакса в гриву своего коня, бросил уздечку. Искривилось лицо его – не спасает от ударов кожаная рубаха. Так и несутся оба всадника рядом, мелькает в воздухе плеть, обжигая спину, шею, руки обманщика...

Не вынес Итакса, сдержал коня. А Мидасп помчался дальше, оставив сородича размазывать слезы по лицу.

Его узнали еще издали, встретили радостными криками. Влетел в толпу, нашел мать глазами, склонился с коня и обнял ее.

– Молодец! Да будут легкими твои руки! – это Атавак спешит обнять победителя.

Собрались все соперники. Красные, разгоряченные, с досадой в глазах. И лишь на одном лице, белом и грязном одновременно – предчувствие беды. Это Итакса прискакал последним, и все подумали – ох, как переживает неудачу Итакса.

Патак поднял руку, призвал тишину.

– Все мы видели, как ты победил сверстников, – обратился вождь к Мидаспу. – Вот, арсии, родился у племени еще один сын. Дай же, Мать, – повернулся он к жрице, – твою награду!

Роксамат протянула вождю маленькую золотую пластиночку на шнурке. На светло желтой поверхности ее красовался трехрогий знак племени арсиев.

Патак показал его солнцу и людям, грубыми негнушимися пальцами воина надел на шею Мидаспа. Произнес, не выказывая почему-то особой радости:

– Я чувствую: ты всех обскачешь скоро, сын Фрасаука. Помни же о том, кто учил тебя.

Колотится сердце, словно продолжается скачка. Мидасп кивает – конечно же, он благодарен Патаку, как благодарен и всем, кто шумно приветствует его в этот миг. Вспомнил, взглянул на Итаксу – увидел страх на лице его. Одно слово правды – и не будет Итаксе жизни в роду, прицепится к обманщику колючка презрения, даже самые маленькие станут кидать в него коровьи лепешки. Таких не любят степняки, зато, говорят, любят дайвы. Но зачем это все Мидаспу? Еще раз взглянул на Итаксу и... улыбнулся ему.

Если скакать на восход солнца от становища примерно четверть конского бега, на правом берегу Дану откроется обширая болотистая низина. Когда-то Дану тек здесь, но по прихоти своей или по воле богов изменил русло, уполз в сторону, обнажив неровное дно. Со временем заросло оно любящим сырость кустарником, мягкой травой с белесыми цветками. Иногда арсии охотились здесь – в низину часто приходили кабаны – порываться носами во влажной земле. Но, несмотря на охотничью щедрость этого места, люди побаивались его. Говорили, что по ночам собираются здесь злые духи обсуждать людей, которым они готовят напасти. Никто не видел дайвов, но иные утверждали, что слышали их отвратительные голоса, проезжая мимо.

– У злого места вы проведете ночь, – приказал Патак мальчикам. – Утром вернетесь, и по вашим лицам посмотрим, какие вы храбрецы. Настоящий воин не испугается соседства дайвов даже в ночи. Такое испытание назначает вам род...

Хитрый Мастиг догадался взять с собой маленький горшочек горящих углей из очага. С огнем не так страшно. К тому же выбрали мальчики удобное место среди кустов – вроде бы спрятались за стенками. Пустили стреноженных коней пастись неподалеку, а сами уселись у костра тешить себя рассказами и грызть лепешки. Чем веселее потечет время, тем слабее страх ночи с ее зловредными обитателями.

Итакса сидит подальше от Мидаспа, старается не смотреть в глаза ему. В душе Итаксы – тревога и стыд. Но еще в уголке ее теплым огоньком горит благодарность...

– Мой отец никогда не боялся дайвов, – говорит Армак, чьи щеки так и ходят ходуном – третью лепешку доедает худенький сын Гаоса. – А чего их бояться? Если есть хороший амулет, ни один из дайвов и близко не подойдет.

– А что же с Фрасауком было? – спрашивает Мастиг и смотрит на Мидаспа. – Вот он рассказывал, как дайвы утащили амулет Фрасаука и сгубили его?

Мидасп подобростил хвороста в огонь и сказал:

– Атавак говорил, что бывают люди хуже дайвов. Видно, были злые завистники у моего отца. Или это дайвы приняли человеческий облик и украли амулет.

– Почему же боги не истребят дайвов? Зачем терпеть их козни? – воскликнул Дадаг.

– Может быть, они не так сильны, – задумчиво сказал Мидасп.

– Что ты говоришь! – всплеснул руками Дадаг. – Просто дайвы тоже созданы богами, чтобы сделать жизнь людей трудной. Мать говорила мне так. Вспомни, сколько дурных тварей живет на земле!

– Да и боги у нас разные, – добавил Мастиг, – есть добрые, а есть и творящие зло...

– Что же это Вртрагна не сделал добра саургам? – насмешливо спросил Мидасп. – Боги добры к тем, кто смел и упорен, злы – со слабыми и лживыми, я так думаю.

Итакса поежился при этих словах.

Мальчики умолкли. Слышно стало, как потрескивает горящий хворост. Легкий ветерок качнул пламя.

Вдруг из темноты донесся странный непонятный звук, похожий на смех. Вскочили мальчики, стали оглядываться. Человек не может смеяться так. Да и откуда здесь человек?

Послышался тихий вой, заставил быстро-быстро биться сердца юных арсиев. И снова смех – нечеловеческий, жутковатый.

– Дайвы... – прошептал Дадаг. – Все это ты своими словами навлек на нас! – повернулся он к Мидаспу.

– Не дрожи! – огрызнулся тот. Схватил налучье и достал оружие. Наложил стрелу и раздвинул куст. Все замерли.

Непроглядна темнота, породившая звуки. Дрожит что-то в глазах, чудится тихое шевеление неподалеку.

– Ты что! – снова зашептал Дадаг. – Не дразни дайвов! Лучше попросим защиты у огня! Мидасп нашарил на груди амулет, данный матерью, покружил им над наконечником стрелы. Заступись, храбрый Уатафарн, помоги остроголовой отыскать недруга!

И когда вновь зазвучал пугающий смех во тьме, Мидасп быстро вскинул лук и пустил стрелу. А тут и Мастиг выпустил свою.

То ли лошадь заржала, то ли дайв вскрикнул от боли – ответил мрак и умолк.

– Попал?! – не выдержал Дадаг.

– Сядем к огню. Осталось ждать недолго, – Мидасп указал рукой на маленький голубой огонек, появившийся в небе.

Беспокойно ерзая, уселись мальчики у огня. И Мидасп поймал вдруг долгий и, как показалось, восхищенный взгляд Итаксы. Но, может быть, показалось, кто знает?

И все было спокойно до утра. Дадаг с Армаком задремали, а остальные приветствовали светлоликого Михра, прогонявшего ночь.

В свете утра совсем не страшным было злое место. Затренькали какие-то птицы, зашевелилась в траве суетливая живность. Мир просыпался для новых забот. Растолкали задремавших.

– Нас уже ждут, наверное! Распутывайте коней, все кончилось.

Становище начинается вместе с солнцем. Кого первым увидит Йима на земле, наградит удачным днем...

Первой встретила мальчиков жрица Роксамат. Улыбнулась могучая, видя веселые и усталые лица их. Жрица уже приготовила черную краску из сажи и какого-то одной ей ведомого древесного сока; и бронзовые иглы приготовила она. Самое последнее испытание осталось юным – вытерпеть боль от иглы. Что за испытание? С радостью подставят кожу мальчики – за татуировкой начинается жизнь взрослого воина!

– Иди за мной, – зовет Мидаспа в шатер жрица. Там усаживает у трехногого столика с принадлежностями для татуировки. Мидасп стаскивает рубаху, снимает с правого запястья крученный браслет. Он смотрит на строгое смуглое лицо Роксамат, на седые пряди, свисающие из-под перевязи на голове, на множество амулетов, что украшают грудь жрицы, и нерешительно спрашивает:

– Великая Мать, ты могла бы сделать на правой руке те знаки, что украшали камень моего отца? Знаешь ли ты их?

Роксамат улыбнулась.

– Знаю и сделаю, как ты хочешь. Положи руку вот здесь.

Долго делала свое дело Роксамат. Боль не мешала Мидаспу, он увлеченно смотрел, как рождается рисунок на тыльной стороне ладони. Вот знаки верхнего мира – трехрогое убегающее солнце и скачущий конь. Затем на коже появился... человек, метнувший копье. А когда Роксамат заканчивала выкалывать фигурку женщины-прародительницы, Мидасп ощутил, что вспотел от напряжения.

– Молодец, я не слышала твоего голоса все это время, – окончив работу, сказала жрица. – Добрую мысль послали тебе боги. – Она кивнула на татуировку. – Всегда помни об отце. Иди и позови Мастига, сын племени. К вечеру я дам всем краски воинов – будете пользоваться ими перед походами.

За пологом ждал Мидаспа Атавак. Обнял мальчика.

– Патак обещает устроить пир, вы все будете пить франаку* вместе с воинами. Потом, по обычаю, вождь подарит каждому акинак. Вы пройдете военным танцем. А затем дадите

клятву роду. Скажу тебе приятное – Парсуг приготовил для тебя подарок – стрелы, я сам видел, как он их мастерил. Мой сын любит тебя!

– А где он сам? Что-то я не заметил его среди воинов?

Атавак развел руками.

– Сказал, что поедет на дальнее пастбище – выбирать нового коня. Его жеребец пал отчего-то этой ночью. Парсуг торопился, чтобы успеть к пиру.

– Если я стану вождем, – покачал головой Мидасп, – подарю Парсугу лучших жеребцов из своего табуна.

– Да хранят тебя боги!

Но не случилось пира. Едва солнце прочно утвердилось на небе, прискакали в становище Патака всадники. Это Сангибан, вождь всех арсиев, прислал своих гонцов. И они привезли гневные слова Сангибана.

Оскорбил Патак великого вождя самовольством своим. Кто, как не вождь племени, должен был объявить войну соседям? Зарвавшихся ардаров умеет одергивать Сангибан – не рукой, не словом, так мечом. И на это хватит сил у него. Таковы были слова Сангибана.

И многие в роду, прослышав про это, наполнились смятением. Ссора вождей – война меж родами. Песни и предания арсиев хранили память о подобных событиях. О том, что не было примирения бескровного, и потом еще долго мстили родичи убитых за гибель близких своих. Обычай кровной мести свят – все сарматы чтут его вторым после почитания матерей.

Все знают, как велика гордость Сангибана; даже стареющий, не хочет он ни в чем уступать никому. Рассказывали, что даже собственного сына как-то не пожалел Сангибан – послал гонцом в кочевья мертвых за волей предка Занака.

Знает и Патак. Только ничуть не боится гнева вождя. Потому и встретил гонцов радушно, угостил щедро.

– Я только позову своих братьев, и наши воины одолеют целое племя, – так сказал Патак. – Только я не хочу проливать кровь арсиев на радость дайвам. Неужто великий вождь преисполнился зависти? Что ж, я поделюсь с ним добычей. Мои люди пригонят ему пленных саургов, а то им тесно в наших загонах. Есть среди них достойные храбрецы, есть даже два оружейника – я поделюсь, и будет пир среди арсиев.

С этими словами, одарив на прощание, Патак отпустил гонцов. Уверен был ардар – Сангибан уймёт свой гнев и откликнется на разумное предложение.

Так и случилось

Путь в кочевье Сангибана легче всего проделать мимо маленького поселка, что прилепился на возвышении берега Дану в половине конского бега от становища рода Орсодака. Живущие в поселке сколотские потомки давно служат арсиям мастерством своих кузнецов и шорников. Степняки не обижают своих данников. Те построили прочный мост в узком течении Дану; по нему арсии всегда могут попасть на другой берег, где начинается кочевье Сангибана. По этому пути предстояло гнать пленников.⁷

Патак отрядил воинов под началом Парсуга. И Мидасп напросился с ним. Нацепил на пояс меч Варкафута – покрасоваться перед великим вождем, пусть знает, какие воины растут среди потомков Орсодака. Саурги, связанные арканами за шеи, шли довольно быстро для измученных пленом людей. На их понурые лица никто не обращал внимания. Но один из пленников – высокий горбоносый юноша – не сводил глаз с Мидаспа, и особенно с меча его. Заметив это, Мидасп подумал, что пленник близко знал Варкафута, и не ошибся. Спрошенный им крайний из саургов подтвердил: горбоносый – сын Варкафута.

И растерялся отчего-то Мидасп. Подъехал к Парсугу, указал на юношу.

– Давай отпустим его, я убил его отца.

⁷ Под конским бегом здесь понимается расстояние примерно в 35 км.

И Парсуг сказал тогда слова, показавшиеся Мидаспу мудрыми:

– Враг, отпущенный тобой на свободу, – враг вдвойне. Он сделает все, чтобы убить тебя. И пока судьба его не только в руках богов, но и в твоих – будь осторожнее. Мы подарим его Сангибану – ему приятен будет раб – сын поверженного вождя, – и Парсуг засмеялся.

Когда показался поселок и послышался собачий лай, Парсуг велел стать на отдых. Воины раскрыли свои переметные сумы, достали лепешки, вареное мясо. Дали еды и пленникам. Но только уселись они на землю, как трое из саургов выхватили спрятанные дотоле на теле ножи, мгновенно освободились от арканов и бросились к реке. Словно силы прибавилось у саургов. Сбили крайних охранников, ранив ближнего. И уже были у самой воды, как одного настигла меткая стрела Парсуга. Зато двоих укрыв Дану волной.

Стали арсии бить из луков под вой остальных саургов, прижатых воинами к земле. Пять стрел утопил и Мидасп, пуская их наугад в темную воду. Один из убежавших не всплыл, зато другой вылез на берег далеко вниз по течению. Ловок был беглец в нырянии, это спасло его. Выскочил на берег и, крича что-то, бросился в необозримые камышовые заросли. Как теперь отыщешь его? Это был сын Варкафута.

Отправили раненого назад с провожатым, злые двинулись дальше арсии. Всех пленников крепко связали, обыскав прежде. Не уйти теперь никому. Одного убитого бросили в воду – пусть порадуются дочери вод.

Перешли по мосту реку. Долго вглядывался Мидасп в прибрежные заросли. Ветер – свободная сила – шевелил камыш, гонял крикливых птиц, вылетающих из своих затаенных гнезд. Нигде не было видно саурга. Может быть, укрывшись в зарослях, провожал он ненавидящим взглядом фигуры врагов? А может, доверившись воде и своему умению пловца, удалялся вниз по реке прочь от погони? Что ж, боги оказались милостивы к саургу.

Теперь есть у Мидаспа кровный враг в степи. Он не простит ничего.

Глава V

За добычей

Уже две весны тому, как стали земли саургов кочевьями арсиев. Побежденные соседи не желали испытывать судьбу – снялись с родных мест и ушли вверх по реке. И следы их потерялись в степи.

Богаты земли саургов. Раздолье охотникам среди изобилия степных зверей и птиц. Бьют сайгаков, лис и зайцев арсии, ставят силки на куропадок и перепелов, собирают птичьи яйца. Берут дань с непуганых табунов короткогривых коней-дикарей. Открылись щедрые кабаньи места – и свирепых вепрей, размером с хорошего жеребенка, добывают арсии.

Былые данники саургов – бородатые земледельцы, что жили по обрывам рек у клочков лесов, сразу поняли, чего от них хотят новые хозяева. Стали слать подарки Патаку и его воинам. А один из старейших поселян – Хавк – даже отдал свою дочь за Апарнадара – брата вождя.

А еще случилось главное, за что Патак вечно будет благодарен богам – жена Агар принесла ему долгожданного сына. За это семь коров принес в жертву Патак владыкам мира – неслыханная щедрость, и рассказывали о ней во всех становищах племени.

Изменился за это время и Мидасп. Повзрослел. Огрубело лицо, голос, руки налились силой. Живые глаза блеском своим выдавали непоседливый нрав. Ходил Мидасп быстро, но мягко; ловко взлетал на коня, легонько коснувшись холки его рукой. Все увидели в нем взрослого мужчину раньше, чем он сам понял это. Еще било из него порой озорство, и с хитрой улыбкой подсовывал Мидасп колючку под потник чьего-нибудь скакуна, но все чаще высказывал он суждения зрелого человека.

Он уже примеривал доспех Варкафута. На то было право у Мидаспа – оружием владел он ловчее своих сверстников. На последних состязаниях опередил в стрельбе из лука даже Парсуга и Гаоса – лучших стрелков рода; и длинный меч вождя саургов уже не тянул его руку вниз.

В конце весны Патак дал Мидаспу удел. Теперь там паслось стадо, принадлежавшее Мидаспу, и табун из сотни лошадей; добрую часть их хозяин сам отловил в степи с табунщиками. А еще Патак взял Мидаспа в свою дружину, сделал десятником, дав под начало сверстников его и друзей.

А когда ловил Мидасп игривые взгляды дочерей рода, смятением и необъяснимым чувством наполнялась душа.

– Покатай меня на своем крепыше! – то ли просила, то ли дразнила Равага и, смеясь, показывала крепкие белые зубы. Как хороша дочь Патака. Однажды увел ее в степь Мидасп, там позвала девушка послушных ей духов, и те околдовали молодого воина. Высокая молодая трава приняла юных. Ласки Раваги поразили Мидаспа, от взгляда темных глаз ушла напускная суровость... Какой-то пастух, проезжая мимо, вспугнул их. Дурной знак – неужели не хватило места человеку в такой огромной степи?

Пастух, видно, рассказал Патаку об увиденном. Ардар позвал Мидаспа.

– У нас красивые девушки! – восклицал он. – Но боги не разрешат испортить родственную кровь. Ты молод, а в других становищах немало красавиц. Я помогу тебе, не унывай.

О ком унывать? О женщинах? Смешные слова говорит Патак. Женщина – та же добыча, захватил, и она твоя. И зачем думать об этом. У настоящих воинов все свершается само собой.

Но ардар знал, где и зачем искать жену Мидаспу. Еще помнит былую обиду Сангибан – вождь арсиев. Негоже злиться так долго. Есть в его роду Мастира. Умна, а главное – наследница великой жрицы Арьяпат, ее правнучка. И судьба девушки уже определена – станет она слу-

жить Могучей Ардви. Жрица – это счастье людей, залог их размеренной благодатной жизни. И древний обычай позволяет ей самой привести в род мужа. Пусть им и станет Мидасп. Разве не рад будет вождь такому воину? Жаль, конечно, что Мидасп уйдет в род Сангибана, но ведь сын растет у Патака. Надежда и смысл теперешней жизни вождя. Пусть же никто не перейдет дорогу, стремясь к власти над родом.

Матери Мидаспа так рассказал ардар:

– Хочу, чтобы Мидасп связал оба наших рода. Сангибан стареет и, может быть, захотят боги и фраваша видеть твоего сына во главе племени. Я готовлю ему славную участь.

Замирает от сладких мечтаний душа матери. В мыслях ее встает на совете племени Мидасп, так похожий на своего отца...

Уже лето бушует в степи, а в кочевье Патака до сих пор не прибыло ни единого каравана с Боспора. Дозорные на просторе проглядели глаза, ожидая боспорян на караванных путях. Все напрасно. И скоро дурные вести долетели до ушей вождя – меоты и сираки перестали пропускать караванщиков в аорссские земли. Торжища в Данае оскудели. Стало известно, что грабят сираки всех купцов, идущих со стороны Гирканского моря в Боспор. И поняли степняки: быть скорой войне.

Патак загодя собрал братьев своих с их отрядами. И когда призвал всех друзей в большой поход на неприятеля великий вождь союза аорсов Радамсад, уже имел род Орсодака тысячу всадников.

Поход! Первая добыча ждет юных! Бывалых – новая слава. По уговору с Радамсадом, все войска должны были встретиться у Священных Могил в нижнем течении Дану. И загудела потревоженная тысячами копыт степь, потянулись из глубин ее племени союза аорсов, бряцая оружием, распевая воинственные песни. Славный будет поход. И путь до недругов не станет долгим. Подвижные отряды лучших воинов, не обремененные длинными обозами и пешими войсками, не затянут перехода.⁸

...Временный лагерь установили арсии в кочевье Сангибана, близ становища вождя. Хотел тот осмотреть силу племени. И остался доволен сильнорукий Сангибан, и разрешил воинам пировать один день. Сам же собрал ардаров на совет, чтобы испытать военную хитрость каждого.

Мидасп с друзьями, расположившись у костра, предаются спорам о предстоящем.

– Когда я вернусь, мой Тур-тур будет украшен скальпами меотов! – подзадоривает Мидасп. – А добычи хватит и моим внукам.

– Смотри, проткнет тебя копьем какой-нибудь меот. Я слышал, у них длинные копья, – ехидно отвечал Армак и подмигивал остальным.

– Сам смотри! Забыл, как вчера свалился с коня? – осадил его Мидасп. – Ветром сдуло, что ли?

От хохота друзей зарделся Армак, махнул рукой. Что делать, если вдруг лопнул ремень подпруги? Проверь лучше снаряжение свое. В бою окажется губительной такая небрежность. Парсуг, что присматривал за юными, недаром чуть не поколотил Армака тогда.

– Эй, – толкает Мидаспа Мастиг, – глянь-ка!

Оборачивается Мидасп и видит, как приближается к ним верхом незнакомая девушка в малиновом платье, щедро расшитом бисером. Остановила рядом коня, поманила Мидаспа рукой, удивила несказанно.

– Кто ты? Зачем я нужен тебе?

– Я – Мастира, дочь старейшины Намгена, – с достоинством отметила гостя. Улыбнулась и протянула Мидаспу малую глиняную чашу.

⁸ Здесь имеются в виду сарматские погребения знати первых веков до н. э. – I в. н. э., сконцентрированные в низовьях Дона (Новочеркасск)

– Выпей, молодой воин, это заговорное питье. Я – правнучка великой Арьяпат и помогу тебе стать неуязвимым до конца лета.

«Так вот что за Мастира, про которую так долго и сладко говорила мать, – подумалось Мидаспу, – красива и горда темноглазая...»

– А почему его? Меня полюби тоже! – подскочил тут Мастиг, ухватил всадницу за сапожок. Едва успел отскочить – плеть девушки только зацепила плечо шутника.

– Ух, какая! – изумился Армак. – Прямо ардар!

– Хватит! – одернул его Мидасп и принял чашу из рук Мастиры.

– Ну, сейчас она его околдует, – затянул Мастиг, держась в стороне, – все меоты разбегутся, только увидят его!

Мидасп смерил его озорным взглядом, потом подмигнул дочери Намгена.

– Если я останусь невредимым, а все мои товарищи падут, как я вернусь?

Сделал глоток и передал чашу Мастигу.

– Отпейте все! Мастира обещает нам неуязвимость!

Сузились глаза всадницы. Фыркнула она, как рассерженная кобылица. Рванула уздечку и умчалась прочь.

– Вот и возьми такую в жены, – сказал Мастиг, – сразу наденет седло и будет кормить плеткой.

Все засмеялись.

...У Священных Могил конные разъезды. Стерегут чужаков, замышляющих недобрые дела.

– Смотри, – указывает Мидаспу Парсуг на равнину, покрытую великим множеством курганов, – здесь погребены самые удалые и мудрые из племен нашего союза. И Арсий, предок наш, и отец твой – Фрасаук. Видишь вон тот курган со столбом белым до половины? Сюда арсии приходят всякий раз перед большим походом и после него возвращаются сюда же, чтобы предки порадовались за нашу добычу и приняли благодарственные жертвы. Знаешь, сколько сираков-лазутчиков поймано здесь? Хотели ограбить предков наших, осквернить их могилы. Но стражи бдительны. Головы тех гостей давно торчат на столбах.

...В ночь перед последним переходом Патак вдруг позвал к себе в походную кибитку Мидаспа.

– Ты поклонился Арсию и отцу своему?

– Вместе со всеми воинами, ардар. Мы принесли им в жертву белых баранов. А отцу я еще оставил четыре стрелы у подножия кургана.

– Хорошо... И то, что не вижу трепета в твоей душе, добрый знак, – Патак усмехнулся. – А... Мастиру ты видел?

– Видел, – удивленно ответил Мидасп, – и пил из ее чаши, и с десятком моим поделился питьем.

– С кем? – вытаращил глаза Патак и затрясся в дребезжащем смехе, странном для могучего тела. – Толпа околдованных женихов! Ну и Мастира! А что, хорошую жену подыскал я тебе? Будущая жрица, умная, своевольная. Покоришь, как дикого коня, – тем слаще будет владеть ею! Взять жрицу – честь для любого.

– Но я не думаю о жене... – растерялся Мидасп, нахмурился.

– И правильно, – кивнул Патак, – Воин должен думать только о предстоящем сражении и добыче. Я за тебя уже подумал. И твоя мать хочет того же...

Долго не мог заснуть Мидасп. Смотрел в высокое звездное небо, но мысли его были на земле. Зачем жениться? И что за высокая честь? Честь воина – мужество и доблесть, а не знатная жена. И что это Патак решает за него? Неужели еще не привык видеть в Мидаспе самостоятельного мужчину? Что ж, придется снова доказать это.

Через два дня перехода вышли к меотским землям. Радамсад разделил силы – арсии направились вдоль берега Меотийского моря, имея его справа. Слева, со стороны сиракских кочевий, двинулись более многочисленные отряды аорсов и аланорсов.

Дозорные донесли, что впереди насыпали меоты вал, поставили на него редкие засеки и пустили стражу вдоль укреплений там, где обычно ходили караваны. Много земледельцев, привычных к нудному труду, живет в этих краях, есть кому соорудить земляную защиту. Только удержит ли она свирепых степняков?

Едва оторвалось от края земли красное утреннее солнце, как, набирая разбег, ринулись вперед конные сотни арсиев. Скоро выскочили прямо к валу, торчавшему углом, словно зазывая в огромную петлю.

«Постарались меоты, как велик их страх перед нами!» – подумалось Мидаспу, а глаза уже отметили удобное для проходов место, свободное от засек. И еще увидел он, как из травы, словно перепела, испуганные охотником, выскочили на вал немногочисленные стражи. Где-то завывла труба-рожок, показался из-за укреплений отряд конников с сотней числом. На длинных, торчавших вверх копьях болтались яркие лоскутья.

Ударили арсии. Невидимые в полете, устремились к недалеким жертвам своим хищно-ловые стрелы. Многие из них несут смерть даже от царапины, ибо воины успели смазать ядом летучее железо.

Разметали меотских всадников. Спасаящиеся бегством сами указали путь арсиям. Проскочили те вал, оставив зарубленных пеших копейщиков-ситтакенов, понеслись вглубь меотских владений. Там, куда уже достает глаз, блестит светлая, уходящая в голубизну даль – Меотское море. А еще видны дымы очагов только что проснувшихся жилищ. Теперь там суматоха, страх – поздно, уже не остановить степняков.

– Бей! – завис в воздухе долгий рев. Черные всадники словно извергаются из земли, сшибая возникающие на пути жалкие отрядики.

Хитер Сангибан – вождь арсиев. Знал, какую сторону выпросить у Радамсада. Это там, к восходу солнца, меряет степь многочисленные конные войска меотов и сираков. Здесь же, убаюканные мыслями о близости моря, о надежной земляной защите и стенах городков с бдительными стражами, живут своей спокойной жизнью земледельцы и скотоводы, рыбаки и охотники. Кончено спокойствие...

Плетеную изгородь поселка снесли крепкие кони степняков. Теперь хватай, кого сможешь! Что возьмешь – твое!

Сквозь дым и пыль, за клубившиеся вокруг, протягивались тонкие руки арканов, ловя людей, выбегавших из глинобитных хижин, наполовину вросших в землю. Огонь накинута на камышовые крыши, играл отблесками на начищенных шлемах сотников.

Мидасп погнался за выскочившим наружу меотом, настиг, сшиб конем, оглушил несильным ударом плашмя.

– Вяжите его! – крикнул подскакавшим Армаку и Занату.

Кто-то из-за стены жилища пустил стрелу. Плохой стрелок, или страх сделал слабыми глаза и руки – улетела зря остроголовая. И убежать не успел, и снова натянуть лук не смог – пал под гибельным ударом.

Быстро и неотвратно пустело селение. Арсии шарили по жилищам, выбрасывая наружу жалкий скарб, запасы пищи; набивали мешки и сумы. Собирали оружие меотов. Что не унести – пусть горит.

Кричавших от страха и угрюмо молчавших поселян – всех, кто уцелел, вязали арканами за шеи; потянулись длинные цепи пленников за окраину.

Вопили сотники, отряжая людей. Парсуг крикнул, что впереди еще углядели стены на холме, – не торопись, мол, Мидасп, набивать суму, оставь место. Говорят, даже золотые вещи можно теперь найти в меотских жилищах.

Сангибану поставили походную ставку недалеко от разгромленного поселка. Зачем вождю эта суета – воины сами принесут добычу и знатных пленников приведут. Отсюда же мудрым и верным словом направит Сангибан набег дальше и вовремя повернет обратно разгоряченных соплеменников. Ибо был уговор: уйдет солнце на вторую половину дня – нужно возвращаться, пока сираки не собрали большие силы и не перекрыли пути назад.

И к новой добыче понеслись арсии, а в это время остальные силы племен орды разбрелись по широкой прибрежной полосе, вплоть до Оленьей речки, грабя и хватая. Арсиев же встретил новый поселок невысокой изгородью на крутом валу. Улюлюкающие сотни совсем затоптали посеы, раскинувшиеся возле стен, переловили скот, что пасся в недалеких низинах.⁹

Тут распахнулись ворота в изгороди, и выступили из них, надеясь на милость богов своих, ситтакены, населявшие место. Старейшины в белых одеждах несли дары ужасным пришельцам, вели дочерей. Одного из них привели к Патаку. Слезящимися глазами смотрел высокий старик в лицо вождя степняков.

– Ты не знаешь меня? – спросил Патак и назвал свое имя.

– Теперь знаю, – спокойно отвечал тот, – и прошу, не разрушай наших домов, не лишай род наш жизненной силы. У нас и так много стариков.

Патак усмехнулся, оглядел разрисованные кругами и крестами одежды старейшины.

– Если бы вы поменьше слушали сираков, что учат вас жить, мы не пришли бы врагами. Тебя я отпущу, и других ваших, раздавленных тяжестью лет, тоже. А тех, что способны держать копье, как могу отпустить я? И потом... моя милость – плохая добыча для воинов. Пусть же порезвятся, чтобы не был напрасным их путь сюда.

...Мидасп довольно оглядывал взятых пленников, плотно набитые мешки – добычу своего десятка. Набег удался! Первый набег, отмеченный такой щедростью божеств! Хвала Врт-рагне и всем предкам арсиев, пославшим удачу.

Он не ощущал жалости. Жалость – презренное для воина чувство. Оно ослабляет руки, лишает зоркости глаза, подтачивает мужество. Прочь, как больную собаку, гонят ее потомки Орсодака. Страдания и позор врагов угодны великим сарматским богам.

Легкая добыча затуманила головы многим. И Гатаорс – двоюродный брат Патака – махнул рукой на уговоренное возвращение. Какая беда? Впереди беззащитные селения. Трусливые меоты разбегаются сразу, только услышав боевой клич арсиев! И взяли потомки Орсодака еще два поселка, и все, что было в них ценного, радовавшего глаз и душу степняка, и новых пленников добыли...

И только к вечеру потянулись, утяжеленные добычей отряды арсиев до границ меотских владений, к условленному месту. Оказалось, что аорсы давно ушли назад, верно рассчитав небыстрое свое возвращение.

– Дождитесь оставшихся! – передал волю Радамсада гонец его.

– Патак пусть ждет всех оставшихся! – так велел Сангибан, забрал все обозы с собой и двинулся за аорсами.

Багровый от злобы, Патак расположил свои сотни на невысоком холме, разослал дозорных и даже не поставил походного шатра.

– Где эти псы! Нищие! – клял он отставших. Были ими аланорсы, которых обуяли жадность и азарт разгрома. Их конница появилась уже в сумерках. Один из ардаров отозвал Патака в сторону. Оживленно говорили они, и аланорс все время показывал вдаль, шарил ею, будто раздвигал невидимые заросли. Там остались еще две сотни аланорсов, но ждать их не стали. Повернули морды коней вслед за ушедшими соплеменниками.

⁹ Здесь р. Кубань. Название «Оленья речка» встречается в античных источниках.

...Ушло в душный сумрак далекое, распластанное, словно шкура огромного белого барана, тело Меотского моря. Совсем не различались краски степи, когда арсии увидели, наконец, вдалеке огни походного лагеря.

«Ждут», – облегченно подумали многие.

Предчувствуя скорый отдых, заторопили коней. Но всеми ли испытаниями поделился с людьми неугомонный Вртрагна – Ветер? И вот уже тихий ропот родился в задних рядах всадников. Тревожно бухнул барабан. И оглянулись все, и увидели в наступающей сзади густеющей темноте непрерывно движущееся пятно. Еще можно различить в нем конную лаву.

Сираки!

Заманчиво горят в безлунной ночи огни отдыхающих отрядов. Сираки не видели арсиев, поглощенные иной целью – догнать грабителей и врагов. Два конных отряда, кажется, полтысячи всадников всего, прикрывшись темнотой и веря во внезапность своего появления, спешат отомстить.

Мидасп вытянул шею. Исчезли приятная расслабленность тела и спокойствие души. Значит, не дано окончить набег беспечным возвращением. Вот они – враги. Он оглянулся, услышал позади голос Патака:

– Отвлечем внимание сираков! Тарсий, пошли гонцов к Радамсаду – пусть поднимает людей. Да торопись!

Тут зароптали иные:

– Нас мало, сираки раздавят! Лучше догоним остальных, успеем, отобьемся вместе!

– Нет, не успеем, – отвечали другие, – перед нами овраг, потеряем время, рассеемся!

А уж пробили барабаны, в дальней сотне закричал рожок, словно призывая врагов оглянуться.

А Мидасп сразу понял, что делать ему.

– Эй, Мастиг! Занат! Все за мной!

Плети прошли по бокам коней. Мимо удивленных соплеменников помчался вперед десяток Мидаспа – добывать славу отчаянных храбрецов.

– Остановить их! – завопил Патак.

Куда там! Махнул мечом Патак – вперед, вперед! И сорвались сотни, вслед за юными, вдоль склона оврага заторопили коней.

На горе ли арсиям, на удачу – расплзлись в небесах облака, мягкий свет переменял мир. И не таким большим оказался овраг – вот уж позади его разверстая пасть – провал с крутыми глинистыми склонами. Ровная степь впереди встречает всадников Мидаспа. А еще взгляды врагов встречают их. С воем и гиканьем понеслись в лоб сираки, послали первые стрелы. Отвели боги меткость сираков, добрый знак!

И ушло глубоко-глубоко в душе Мидаспа все, что было доньше, все, казавшееся детством, игрой, шумливой забавой. Плотно надвинут кожаный шлем, панцирь словно прирос к телу. Мелькнула вдруг мысль-видение – будто бы отец скачет в бой, бьется о грудь черный камень – хранитель жизни и силы воина.

И Мидасп поднимает меч Варкафута, плотнее сжимает коленями конские бока, и первый, подскочивший как-то сбоку сирак получает сокрушительный удар по шлему.

– Пата-а-ак! – зазвучал клич, стал мощнее, громче в тысячу раз – это подросли арсии.

Сирак падает в траву, под копыта коней своих соплеменников, и новый противник налегает на Мидаспа. Не видно вражьего лица – только черные тени на нем, спрятанном под бронзу глубокого шлема. С железным скрежетом сшиблись мечи, и закрутились всадники, пугая друг друга злобными выкриками.

Силен напавший – Мидасп едва успевает отбивать частые его удары. Скаля зубы, кусаются кони сражающихся, толкаются и мешают верховым. Патак, пробив путь себе, пришел на помощь. Потеснил сирака, отвлек и подставил под разящий удар Мидаспа

– Что, славы ищешь? – крикнул Патак. – Давай помогу, сын Фрасаука! Уж больно ты горяч!

– Сзади! – воскликнул Мидасп, заметив опасность.

Обернулся Патак, ловко принял щитом острие копья, вырвал увязшее оружие из рук сирака, зарубил неудачливого.

– Бей! – донесся далекий рев. То аорсы спешили к союзникам своим. Вовремя доскакали гонцы, пришла подмога...

Стали одолевать сираков. Конница их разбилась на мелкие кучки. Небольшой отряд, явившийся было из серебрящейся в лунном свете рощицы, повернул назад, исчез в темной глубине степи.

Оттеснили подоспевших меотских копейщиков и пращников. Успели те, правда, сшибить наземь некоторых из аорсов, но не устоять против свирепых всадников. Пали многие под длинными мечами, других нашли стрелы, иные ломали шеи, катясь по склонам оврага в спасительную его глубину.

Вырвавшиеся конные сираки помчались прочь, к холмам, к давно изведанным тропам и удобным местам. Кто доскакал, кто не успел. Гиканье, вопли раненых, раздирающее душу ржание скакунов, ломающих ноги при падении – все перемешалось...

Где-то погнались за сираками. И Мидасп рванулся, почуяв верный миг. А тут уж и лунный свет поблек, приходила пора рождения нового дня.

Патак кричал, чтоб не увлекались погоней. И прав был: кто знает, не спешит ли подкрепление к сиракским наспех собранным отрядам? Только разве услышал Мидасп слова его? Догоняет он всадника и почти ощущает ту надежду на спасение, что внушает сираку недалекая совсем роща.

– Остановись, или я убью тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.